АКАДЕМИЯ ШЕСТИ ПУТЕЙ

ХРАНИТЕЛЬНИЦА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Юлиана Сейдж

18+

Академия Шести Путей

Юлиана Сейдж

Хранительница

«Автор»

2026

Сейдж Ю.

Хранительница / Ю. Сейдж — «Автор», 2026 — (Академия Шести Путей)

Мир Шести Путей рушится. Академия пала, война пожирает королевства, а Амалия Брандт — Хранительница, призванная стать надеждой, — чувствует, что превратилась в тень прежней себя.Когда Тьма начинает наступать со всех сторон, Амалии приходится собрать союзников и отправиться в опасный путь. Ей предстоит найти новых друзей среди бывших врагов, раскрыть древние тайны и остановить ритуал, который может стереть сам мир.Но главная битва — внутри неё. Между долгом и страхом, между доверием и предательством, между желанием спасти всех и правом на собственную жизнь. И рядом с ней — тот, кого она должна ненавидеть, но кто готов сжечь этот мир дотла, лишь бы она выжила.

© Сейдж Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 28
Глава 4 37
Глава 5 52
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Юлиана Сейдж
Хранительница

Глава 1

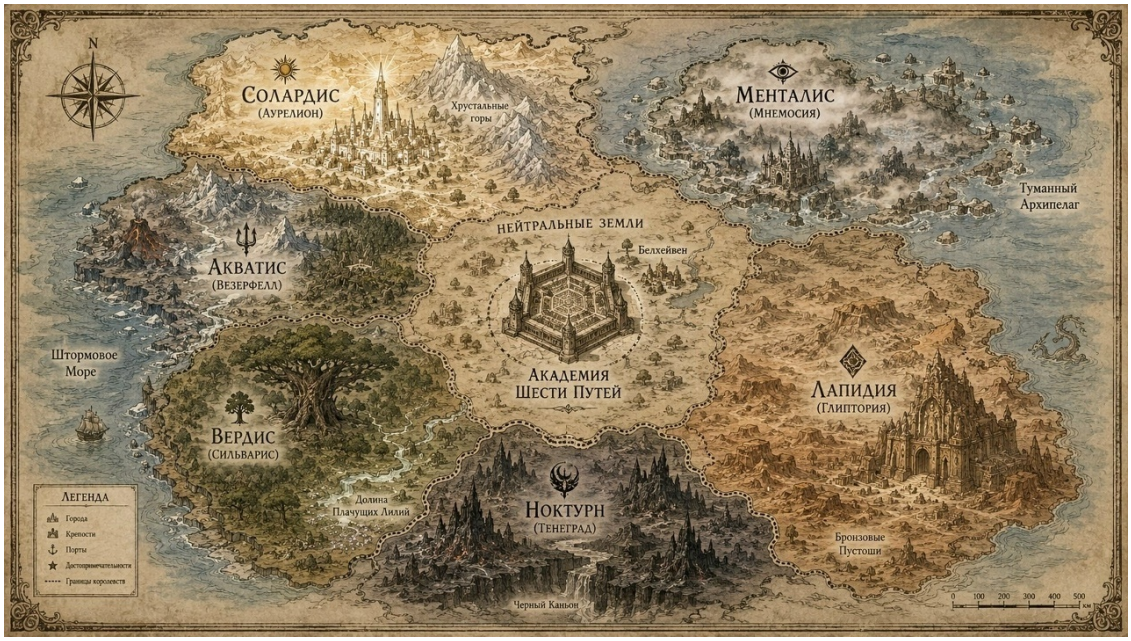
Ты в мир
пришла, не знавший доброты,
Где стыли
бронза, серебро и льды.
Где над
колыбелью ночь молчала,
Твоя душа
о вечном прошептала.
Ты — не
огонь, а угли у костра,
Что тлеют
тихо, но хранят жар до утра.
Ты шла
вперёд. Не дрогнув, не устав,
Сквозь
шёпот стен и горечь алых трав.
Ты не
пылала, чтобы ослеплять,
Ты тихо
грела, чтоб души наши согревать.
Ты забирала боль и прятала в
груди,
Чтоб я могла спокойно вдаль идти.
Пусть Тьма
опять дорогу преграждает,
Ты ни на
шаг назад не отступаешь.
И страха
нет: душа твоя ведь знает —
Кто до
конца идёт — не умирает.

Посвящается Амалии Брандт. С любовью и верой, Эльза Вогель

Иногда мне кажется, что я уже умерла. Что та Амалия, которая приехала в Академию полтора года назад, осталась лежать где-то в снегу. А та, кто сейчас сидит здесь и пишет эти строки, — просто её тень. Её призрак. Я помню, какой я была раньше. Я верила. Я думала, что смогу изменить этот мир, смогу стать сильной, смогу защитить тех, кого люблю. Я ошиблась. Мир не изменился, а стал только хуже. Сила не пришла. Я просто научилась терпеть. А тех, кого я любила, больше нет. Я даже не знаю, зачем я всё ещё здесь. Зачем я встаю по утрам. Зачем я тренируюсь. Если я доживу до того дня, когда снова встречу Лориана —

может быть, тогда я наконец осознаю, зачем я всё это делаю. Или просто убью его и пойму, что это было единственное, что меня держало. А пока я просто жду. Сама не знаю чего.

Из дневника Амалии Брандт



В аду не бывает тихо.

Амалия поняла это в тот миг, когда первый огненный шар рухнул в землю всего в трёх шагах от неё. Мир разорвался светом и грохотом. Взрывная волна швырнула её назад. Спина с хрустом ударилась о каменную стену, воздух выбило из лёгких, и на несколько долгих секунд всё вокруг исчезло: небо, снег, крики, магия. Остался только нестерпимый звон в ушах, будто кто-то вонзил раскалённую иглу прямо в череп. Во рту разлился металлический привкус. Амалия даже не успела закричать.

— Амалия!

Голос Дормиэля прорвался сквозь звон в ушах. Амалия почувствовала, как его рука сжала её плечо, помогая подняться. Дормиэль был бледен, всё лицо перепачкано сажей, на виске запеклась кровь.

— Назад, чтоб его! — Дормиэль почти сорвал голос, перекрывая грохот новой волны заклинаний. — К стене, Амалия! Живо!

Амалия не помнила, как они добежали до каменной ограды. Не помнила, как упала на колени, чувствуя, как снег обжигает руки, как холод смешивается с жаром от падающих искр. Золотые щиты магов Света вспыхивали и гасли один за другим, погребая под собой надежду на спасение.

Шесть месяцев назад Амалия стояла на балконе башни Света и думала, что хуже уже быть не может. Шесть месяцев назад она ещё верила, что боль имеет предел, страх — форму, а ужас — границы. Шесть месяцев она училась быть Хранительницей: держать защиту, читать руны, не дрожать под взглядом леди Ирены, не падать от усталости, не плакать после полуночи, когда пальцы кровоточили от бесконечных тренировок. И вот теперь она снова была здесь. В центре хаоса. В центре того, что ненавидела больше всего.

Войны.

Рядом с Амалией упал студент Света. Она даже не услышала, как он закричал — голос оборвался вместе с дыханием. Лицо мага обуглилось до неузнаваемости, одежда тлела, и этот запах — палёного мяса и горелой ткани — смешивался с холодом и кровью.

— Стихийные выродки! — Дэррил сплюнул кровь на снег. — Предатели! Твари неблагодарные! Я же с ними за одним столом хлеб ломал! А они мне теперь в спину плюют! Я лично каждому из этих уродов глотку перережу. Собственноручно.

Дормиэль обернулся к отряду. За последние полгода он научился стоять прямо, когда всё рушится; говорить спокойно, когда хотелось кричать. Юный главнокомандующий вёл войну успешно — Боги, казалось, были милостивы к нему, но милость не вечна. Он видел это сейчас. Ещё один удар — и левый фланг сомнётся. Ещё несколько минут — и щиты Света падут окончательно. Ещё одно упрямое решение остаться — и они все умрут. Амалия умрёт. Нет, не после всего… Не сейчас…

— Мы отступаем, — твёрдо сказал Дормиэль. Виллан повернул к нему измученное лицо. — Передай всему отряду: немедленно двигаться к лесу.

Менталист кивнул и прикрыл глаза. Всего секунда,— и его сознание коснулось десятков других, быстрым, точным движением передавая приказ туда, куда голос уже не мог добраться. В тот же миг слова Дормиэля прозвучали в головах у всех магов отряда.

И они побежали.

Снег хрустел под ногами, перемешанный с пеплом, грязью и кровью. Позади выли Стихии — огонь ревел, вода била ледяными плетьми, земля вздыбливалась острыми каменными зубьями, воздух резал лицо невидимыми лезвиями. Над всем этим тяжело, глухо гремели заклинания Тьмы.

Лес впереди казался слишком далёким. Спасение всегда кажется слишком далёким, когда смерть дышит в затылок.

— Рунная леди, нам нужна твоя защита.

Шесть месяцев тренировок с леди Иреной не прошли даром. Амалия тут же остановилась и подняла руки. Пальцы дрогнули, вычерчивая в воздухе древние символы — те, что она выучила за долгие ночи в башне Света, когда мир за окном горел, а она училась не сгорать вместе с ним. Руны вспыхнули одна за другой. Они сплетались в узор, который она знала наизусть. Рунный купол. Золотистая поверхность взметнулась из снега между отрядом и преследователями. На мгновение поле боя озарилось чистым светом. Заклинания Тьмы ударили в стену и рассыпались искрами. Стихии взревели — вода, огонь, земля, воздух обрушились на купол с яростью, но он не дрогнул.

Амалия рухнула на колени, хватая ртом воздух. Перед глазами потемнело. Дормиэль подхватил её прежде, чем она успела упасть лицом в снег.

— Бегите! — крикнул он остальным, прижимая Амалию к себе. — Щит не продержится долго!

Амалия хотела сказать, что он ошибается. Купол простоит ровно час! Она знала это точно, потому что леди Ирена заставляла её держать такие купола до тех пор, пока руки не начинали трястись, а кровь не стучала в висках, пока в глазах не темнело, а гордость не превращалась в упрямство. Но сил на слова не осталось. Амалия только закрыла глаза и позволила Дормиэлю тащить её вперёд — туда, где между чёрными стволами ещё теплилась невозможная, упрямая надежда выжить.

Лес кончился так же внезапно, как и начался. Амалия подняла голову и увидела шпили Академии.

Академия Шести Путей больше не была Академией в привычном понимании. Она превратилась в штаб Света. Двор, где когда-то смеялись маги, теперь был заставлен повозками с ранеными. Вместо студентов — солдаты в изорванной одежде, с пустыми глазами. Библиотеки стали казармами. Учебные залы — лазаретами. Башни, которые когда-то были символами знаний, теперь служили наблюдательными пунктами. Студенты разъехались. Три месяца назад, когда война переместилась с территорий Ноктурна на нейтральные земли, леди Ирена приказала эвакуировать всех, кто не хотел воевать. Большинство уехало к своим семьям. Оста-

лись только те, кто выбрал Свет: маги Жизни, которые лечили раненых до изнеможения; маги Разума, передававшие приказы и читавшие мысли врагов; маги Рун, которые чертили защитные круги на стенах и укрепляли ворота.

Дормиэль остановился перед высокими дверями зала заседаний. Из-за створок доносился приглушённый гул голосов, не суливший ни отдыха, ни добрых вестей.

— Виллан, проследи, чтобы раненых разместили в западном крыле. Целители уже ждут.

Виллан коротко кивнул и поспешил прочь, растворившись в сумрачном коридоре. Дормиэль проводил его взглядом, затем повернулся к Амалии. Её лицо побледнело от изнеможения, золотистые доспехи потемнели от копоти и чужой крови, а белоснежная накидка была изорвана и испачкана в бою. Амалия держалась прямо лишь из упрямства — и они оба это понимали.

— Тебе нужно отдохнуть, — произнёс тише светлый маг. — Ты едва держишься на ногах.

— Все едва держатся.

— Не все удерживали купол против трёх отрядов Стихий и магов Тьмы.

Амалия стиснула пальцы, пряча дрожь. Перед глазами всё ещё вспыхивал ослепительный свет купола, а в ушах звенели крики тех, кого она не сумела защитить.

— Я не усну, пока не узнаю, сколько наших вернулось.

Взгляд Дормиэля на мгновение потемнел.

— Ты думаешь, если услышишь число *сейчас*, тебе станет легче?

Амалия уже открыла рот, готовая ответить, но из зала донеслись голоса. Совет собрался в полном составе, и даже дубовые двери не могли сдержать разгоравшийся спор.

— …если восточная линия пала, мы не удержим долину. Это не вопрос мужества, лорд Рейзонгольд. Это вопрос арифметики.

— Арифметики? — проревел в ответ мужской голос. — Там остались три наших гарнизона!

— Именно поэтому я говорю об этом сейчас, а не завтра, когда там останутся три кладбища.

Дормиэль прикрыл глаза — всего на один короткий вдох. Усталость проступила на его лице так ясно, что Амалии вдруг захотелось коснуться его руки. Но мгновение прошло. Дормиэль расправил плечи и вновь стал главнокомандующим Света, наследником древнего рода — тем мальчишкой, которого слишком рано научили отдавать приказы взрослым мужчинам, а затем смотреть, как они умирают, исполняя их.

— Мне нужно идти, а ты ступай к Миле. Она приготовит целебный отвар.

— Я Хранительница.

— Ты едва стоишь.

— Не начинай.

Амалия шагнула к дверям первой. Колени тут же предательски дрогнули, но она сделала вид, будто ничего не произошло. Дормиэль негромко цокнул языком.

— Поразительное создание, — пробормотал он, следуя за ней. — Тьма не смогла тебя одолеть, зато однажды это сделает собственное упрямство.

Уголки её губ дрогнули, хотя сил на улыбку почти не осталось. Вместе они вошли в зал заседаний.

Большой зал изменился сильнее, чем вся остальная часть Академии. Когда-то здесь принимали экзамены старших курсов, устраивали торжественные мероприятия. Под высоким куполом потолка сияла мозаика: шесть дорог, расходящихся от одного центра к краям мира. Свет, Тьма, Жизнь, Разум, Руны и Стихии — шесть сил, шесть путей, шесть равных начал. Теперь половина мозаики была закрыта боевыми картами. На длинном столе лежали донесения, рядом стояли пустые чаши из-под бодрящих настоев. В воздухе дрожали иллюзорные

линии фронта: золотые огни обозначали позиции Света и союзников; багровые и чёрные — врага.

У стола стояли люди, которых Амалия привыкла видеть непоколебимыми. Теперь они выглядели так, будто последние дни состарили их на годы.

Леди Кларисса Хейл — глава королевской разведки — сидела с закрытыми глазами, массируя виски. Амалия заметила, что её руки дрожат, хотя она старательно скрывала это. Великий канцлер Аларик Вальден стоял у карты, угрюмо почёсывая лысый затылок. Он что-то бормотал себе под нос — кажется, считал потери. Лорд Гаррет Рейзонгольд — командор паладинов — смотрел на карту так, будто хотел испепелить её взглядом. Леди Ирена нервно мерила комнату шагами. Её лицо было бледным, но глаза горели — она искала решение.

Дормиэль подошёл к столу.

— Северная линия потеряна, — сказал он без предисловий. — Мы вывели меньше половины отряда. Остальные либо погибли, либо отрезаны.

— Возвращение на север сейчас невозможно. Мой купол задержит преследователей, но не остановит их наступление. У нас есть меньше часа, чтобы решить, как использовать выигранное время.

Амалия важной походкой прошлась вдоль стола и заняла свободный стул.

Дормиэль склонился над картой.

— Тогда мы укрепляем внутренний периметр Академии. Западное крыло освобождаем под раненых. Восточные ворота закладываем камнем и рунами. Все боеспособные маги — на стены. Маги Разума держат связь между башнями. Целители работают только с тяжёлыми ранениями до стабилизации, не до полного восстановления.

— Дормиэль, король уже отправил новые войска нам на подмогу, — в голосе леди Ирены слышалось облегчение, смешанное с привычной усталостью. — Утром тут уже будут три отряда паладинов.

Ректор на секунду прикрыла глаза и едва заметно закатила их, словно эта мысль давно крутилась у неё в голове и наконец вырвалась наружу.

— Маги Жизни пока неохотно идут на переговоры. Сколько себя помню, с ними всегда было сложнее всего договориться. Они не хотят крови, поэтому не занимают ничью сторону. И, честно говоря, сейчас это ощущается не как благородство, а как предательство.

— Благородство в осаждённой крепости — роскошь, которую мы не можем себе позволить. Пусть их идеалы останутся при них, а мы будем делать то, что обязаны. Паладины придут утром — значит, до рассвета нужно успеть расставить дозоры так, чтобы ни одна тень не проскользнула мимо, — подвел итоги командор.

Ирена шагнула ближе к карте и ткнула пальцем в узкое ущелье к северу от Академии:

— Здесь тоже стоит выставить наблюдателей. Это не главный путь, но в обход стен многие пойдут именно туда. К тому же там старые руины — в них легко устроить засаду.

— Вы правы, — кивнул Дормиэль, быстро делая пометки на полях карты. — Отправлю туда отряд из второкурсников под началом мастера Коргата. Пусть возьмут сигнальные кристаллы — если что-то пойдёт не так, мы должны узнать об этом раньше, чем враг сделает первый шаг.

Кларисса, наконец, подняла голову:

— Надеюсь, этого хватит. Академия никогда не была крепостью, она строилась как храм знаний, а не бастион. Стены здесь тонкие, заклинания на них держатся на честном слове и старых клятвах.

— Значит, будем держаться на честном слове и клятвах, — жёстко произнесла Амалия. — А если их окажется мало — добавим собственной воли. Мы не позволим разрушить то, что строили поколения магов.

Дормиэль резко отодвинул карту и посмотрел прямо на Ирену:

— Соберите Совет старших преподавателей через час. Нужно распределить зоны ответственности и убедиться, что каждый знает своё место. И… попросите архивариуса принести все записи о защитных ритуалах, какие у нас есть. Даже самые забытые, даже те, что считаются опасными. Сейчас не время для осторожности.

Ирена кивнула, на мгновение задержала взгляд на измученном лице Дормиэля, будто хотела сказать что-то ещё, но лишь коротко бросила:

— Будет сделано.

Заседание было окончено.

Дормиэль вышел из зала первым, Амалия — следом. Они поднялись на третий этаж в полной тишине.

Дормиэль открыл дверь комнаты Амалии и пропустил её вперёд. В спальне было темно. Камин давно погас, оставив после себя только серый пепел и запах холодного дыма. Занавес у окна колыхался от ветра; одна створка была приоткрыта, и ночной воздух, скользнул внутрь, коснулся лица Амалии, забрался под ворот платья. Она вздрогнула.

Дормиэль сразу нахмурился.

— Кто оставил окно открытым?

— Видимо, предательски настроенная створка.

Амалия рассмеялась своей глупой шутке, а Дормиэль грустно улыбнулся. Его сердце сжалось от нежности при виде её улыбки. В последнее время он всё реже и реже видел, как она улыбается. Всё реже слышал её звонкий смех. И в такие моменты, когда Амалия была беззаботной и лёгкой, он вспоминал как раньше, год назад, она смеялась громко и заразительно, запрокидывая голову, а её рыжие волосы рассыпались по плечам, как огонь.

Дормиэль поймал себя на мысли, что готов смотреть на Амалию вечность. Стоять здесь, в этом холодной комнате, и просто смотреть, как её плечи на мгновение распрямляются, как в глазах загорается что-то живое. Даже если это «что-то» длится всего одну секунду.

Дормиэль подошёл к окну и закрыл его.

— Я распоряжусь, чтобы принесли дрова.

— Я и сама способна о себе позаботиться, дорогой главнокомандующий, — Амалия улыбнулась и присела на край кровати.

— По-моему, моя Хранительница, мы договорились, что рядом со мной ты не произносишь таких ужасных слов как «я сама». Особенно когда твои щёки такие бледные, а руки дрожат.

— Ужасных? — Амалия вскинула бровь. — Я знала, что у главнокомандующих странные страхи, но не думала, что словосочетания входят в их число.

Дормиэль закатил глаза, подошёл к камину, присел перед остывшими углями и протянул руку. В его ладони вспыхнула крошечная искра света. Пламя нехотя лизнуло сухие щепки, затрепетало и ожило. Амалия наблюдала за ним с кровати, кутаясь в одеяло. Дормиэль поднялся и подошел к ней. Затем взял с кровати подушку и, не спрашивая разрешения, подложил её Амалии за спину.

Амалия смотрела на него с возмущением, которое получилось подозрительно сонным.

— Ты сейчас злоупотребляешь властью.

— Безусловно.

— Я подам жалобу твоему начальству.

— Моя Хранительница, в этой крепости есть только один человек, которого я боюсь больше Совета. И это ты.

— Пффф…

Дормиэль сделал шаг в сторону выхода, но Амалия схватила его за рукав.

— Нет, не уходи.

Дормиэль замер, его пальцы дёрнулись, словно хотели ответить на её прикосновение.

— У меня много дел, Амалия. Дозоры, карты, планы...

— Я знаю! Я знаю, что ты нужен им всем. Но я прошу тебя — хотя бы на пару минут. Просто постой здесь. Дай мне вспомнить, что я не одна.

Дормиэль посмотрел на неё долгим взглядом, а затем тяжело вздохнул.

— Хорошо, — наконец согласился он, опускаясь рядом с ней на кровать. — Но только пять минут. А потом я должен идти.

Дормиэль осторожно взял ладонь Амалии и провел большим пальцем по её костяшкам, стирая засохшую кровь.

— У тебя руки ледяные, — сказал он хрипло.

— У тебя тоже вид не весенний, — ответила она, придвигаясь ближе.

Их плечи соприкоснулись, и Амалия почувствовала, как тепло его тела проникает сквозь ткань одежды. Она прижалась к нему, и Дормиэль обнял её, притягивая ближе.

— Знаешь, — прошептал он, зарываясь носом в её волосы, — когда ты так смотришь на меня, я готов бросить все дела и остаться здесь навсегда.

Амалия улыбнулась, уткнувшись лицом в его грудь.

— Только не говори об этом при леди Ирене.

Он тихо рассмеялся, и его грудь завибрировала под её щекой.

— Она всё равно не поверит.

Они сидели так несколько минут, наслаждаясь близостью друг друга. Дормиэль нежно поглаживал её спину, а Амалия слушала, как бьётся его сердце — ровно и спокойно, несмотря на весь хаос снаружи. В этот момент они выглядели как пара. Со стороны — точно пара. Главнокомандующий и Хранительница, сидящие в объятиях друг друга. Только они оба знали, что это не так. Дормиэль был влюблён, Амалия знала это. Она видела это в каждом его взгляде. В том, как он всегда вставал между ней и опасностью, даже когда опасностью был всего лишь очередной спор на Совете. В том, как оставался у неё почти каждую ночь, сидел в кресле у камина, читал донесения при свете единственной свечи.

Правда была проще и страшнее: Амалии становилось легче дышать, когда он был рядом, а Дормиэлю было больно уходить.

Амалия не могла дать ему того, чего он хотел — внутри неё было слишком пусто, слишком выжжено. Амалия боялась, что если пустит Дормиэля глубже, если позволит ему надеяться по-настоящему, то однажды он протянет к ней руки — а найдёт только холод. Она боялась разбить ему сердце. А он, упрямый, невозможный, благородный до полного безрассудства, будто сам каждый день клал его ей в ладони.

За дверью внезапно раздался стук. Они оба замерли.

— Лорд Дормиэль? — послышался приглушённый голос. — Вас ждут в Большом зале. Срочно.

Амалия тихо рассмеялась.

— Надо же, ровно пять минут.

— Иди, но возвращайся скорее.

Дормиэль поднялся, но перед уходом наклонился и легко коснулся её лба губами.

— Я вернусь, обещаю.

Амалия осталась одна. Она сидела на кровати, глядя на огонь в камине, чувствуя, как усталость наваливается тяжёлым грузом.

Нужно успеть поспать хотя бы пару часов.

Амалия легла, не раздеваясь, и закрыла глаза. Сон пришёл сразу, как всегда.

Лориан Монтгомери, её первая и единственная любовь, стоял в разрушенном амфитеатре. В том же камзоле, с распущенными волосами, которые падали на плечи мягкими прядями. Серьга в левом ухе тускло мерцала — и этот блеск, этот маленький, почти незаметный

огонёк, был единственным источником света. Он улыбался. Той же улыбкой, от которой у неё когда-то перехватывало дыхание. Только теперь в ней не было тепла. Только обещание боли.

— Амалия, — прошептал он её имя, и от этого голоса по спине пробежал холодок. — Ты всё ещё помнишь меня? — Лориан шагнул ближе, и его тень накрыла её целиком. — Ты думала, что сможешь забыть?

Амалия отступила, но за спиной оказалась стена. Она была поймана в ловушку собственного сна.

— Я не... — начала она, но он перебил:

— Ты принадлежишь мне, Амалия.

Его пальцы сомкнулись на её горле, медленно сжимая хватку. Амалия почувствовала, как воздух покидает лёгкие, как темнеет в глазах. Она пыталась сопротивляться, но тело не слушалось.

— Ты моя, — прошептал Лориан, наклоняясь к её уху. — И всегда будешь моей.

Хватка усилилась, и в этот момент Амалия увидела в его глазах нечто новое — торжество. Он наслаждался её беспомощностью. Амалия начала задыхаться, её пальцы царапали его руки, но хватка становилась только крепче. В последний момент, когда сознание уже готово было покинуть её, она закричала... И проснулась.

Амалия села на кровати, прижимая руку к груди. Сердце колотилось как безумное, а тело покрывала холодная испарина.

Этот сон... становится всё более реальным и пугающим.

Лориан возвращался в её сны снова и снова, напоминая о том, что она пыталась забыть.

Дормиэль, где же ты?

В этот момент Амалия чувствовала себя такой одинокой, такой уязвимой. Словно весь мир обрушился на её плечи, а она осталась один на один со своими демонами. Амалия обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. В комнате было холодно, но холод шёл не от окна — он исходил изнутри. От воспоминаний, от страха, от той боли, что до сих пор жила в её сердце. Амалия глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться.

— Я не сдамся, — прошептала она, глядя в тёмное небо. — Не позволю прошлому разрушить моё настоящее.

Но даже произнося эти слова, Амалия не была уверена в их истинности. Потому что Лориан Монтгомери оставил в её душе шрам, который, казалось, никогда не заживёт.

Глава 2

Своё двадцатидвухлетие я отмечала в лагере на границе. Как круто, да? Можно мне позавидовать. Вместо торта — суп, который пах гарью. Вместо друзей — раненые солдаты. Вместо подарков — новый шрам на руке. Я даже не заметила, когда его получила. Когда-то я думала, что в двадцать два у меня будет всё. Друзья, дом, кто-то, кто будет держать меня за руку и врать, что всё будет хорошо. А получила я войну, бессонницу и хроническую усталость. И ещё этот чёртов суп. Я смотрела на небо и думала: «Неужели это всё?» Мне двадцать два, а я уже устала жить. Если доживу до двадцати трёх — может быть, что-то изменится.

Из дневника Амалии Брандт

Мила проводила очередной осмотр раненых в лазарете западного крыла. Ещё несколько месяцев назад она была просто студенткой факультета Жизни, которая любила возиться с травами и мечтала открыть свою теплицу. Теперь она была главным целителем Академии, после преподавателя Эллиана.

— Дыши глубже, — сказала она солдату с обожжённой рукой, ловко накладывая повязку своими тонкими, но сильными пальцами. — Не дёргайся, иначе будет только хуже.

— Так больно, — прохрипел тот, стиснув зубы.

— Знаю, но если ты будешь дёргаться, будет ещё больнее, — её голос звучал твёрдо, но в нём всё ещё проскальзывала мягкость, свойственная целителям.

Рядом с Милой бесшумно появился Тео. Его волнистые чёрные, как ночь, волосы были собраны в небрежный хвост. Глаза орехово-карие, но в их центре, словно застывшие капли расплавленного золота, мерцали искры чистого пламени. На лбу плотно сидела повязка с витиеватым золотым узором, а в ушах поблёскивали массивные серьги. Его телосложение сразу выдавало в нём не кабинетного целителя и не учёного мага, привыкшего к пыли библиотек, а воина: жилистого и гибкого. Под распахнутым кожаным жилетом с меховой оторочкой перекатывались чётко очерченные мышцы, а на смуглой бронзовой коже темнели татуировки — символы стихий, древние знаки огня и воды, нанесённые так, будто он носил их не ради красоты, а как клятву. Тео был единственным оставшимся в Академии магом Стихий — редким сочетанием сил огня и воды. От него исходил сложный, многослойный аромат: соль и водоросли, как напоминание о воде, и жар тлеющих углей, как отголосок огня.

— Вот, держи, — произнёс он, аккуратно передавая Миле таз с чистой водой и стопку свежих бинтов. — Ещё один маг ждёт в соседней палате. Рана глубокая. Думаю, здесь пригодится твоё мастерство.

Мила приняла таз обеими руками.

— Моё мастерство сегодня уже трижды пригодилось там, где, по-хорошему, нужен магистр Эллиан и чудо в придачу, — устало ответила она. — Но веди.

Мила поднялась со скамьи, и тело тут же напомнило о себе тупой болью в пояснице и дрожью в коленях. За последние сутки Мила почти не садилась. Время в лазарете давно перестало идти обычным ходом: оно измерялось не часами, а бинтами, мисками с окровавленной водой, дозами обезболивающих настоев и короткими паузами, когда раненый наконец переставал кричать.

Тео заметил, как она пошатнулась.

— Ты ела?

— Я пила чай.

— Мила.

Она подняла на него глаза. В этот момент суматоха лазарета будто отступила на второй план.

— Тео.

Тео приблизился к Миле и заключил её в тёплые объятия. Он мягко провёл рукой по спутанным кудрям, словно пытался успокоить не только их, но и тревоги, запутавшиеся у неё в душе, а затем бережно притянул её голову к своему плечу. Мила закрыла глаза, позволяя себе на несколько мгновений забыть обо всём. Она вдохнула его запах, за последние месяцы ставший таким родным и необходимым, как глоток чистой воды. Не выдержав, Мила сцепила руки у него на талии и прижалась крепче, будто хотела удержать внутри себя это тепло и унести его с собой.

Некоторое время они стояли молча. Тео продолжал медленно гладить её по волосам, а Мила слушала ровное биение его сердца, постепенно возвращая себе дыхание. Ей не хотелось размыкать рук. Не хотелось снова впускать в этот короткий миг ни тревогу, ни мысли о том, что ждало их впереди. Но оставаться так вечно они не могли. Мила глубоко вдохнула, собираясь с силами, и лишь тогда нехотя ослабила объятия. Её ладони на мгновение задержались у него на талии, словно она всё ещё не решалась отпустить, после чего Мила осторожно отстранилась, сразу почувствовав, как тепло его рук покидает её спину. Она подняла взгляд и попыталась вернуть лицу прежнюю строгость и сосредоточенность.

— Показывай своего раненого.

Соседняя палата когда-то была учебной аудиторией для младших магов Жизни. На стенах всё ещё висели выцветшие схемы энергетических потоков и аккуратно подписанные рисунки целебных трав. Когда-то здесь учили закрывать порезы и сращивать кости на учебных манекенах. Теперь под безмятежными изображениями ромашки, кровохлёбки и лунного корня теснились койки с настоящими ранеными. На столах вперемешку лежали инструменты, бинты и пузырьки с настойками, а вода в вёдрах слишком быстро становилась красной. Пахло кровью, лекарственными травами и горелой тканью. От этого запаха уже тошнило, но Мила почти перестала его замечать.

На ближайшей койке лежал мужчина лет тридцати — один из преподавателей Академии. Обычно он казался ужасно серьёзным, но сейчас от прежней внушительности ничего не осталось. Лицо посерело, на висках выступил липкий пот, губы были искусаны до крови. Левую руку он прижимал к боку так сильно, словно пытался удержать внутри собственные органы. Повязка на животе потемнела, но хотя бы не пропиталась насквозь.

Рядом застыл молодой целитель. Совсем ещё мальчишка — бледный, растерянный, с перепачканными кровью пальцами. Увидев Милу, он посмотрел на неё с таким облегчением, будто в палату вошла не такая же измученная ученица, а по меньшей мере сама богиня Жизни. Вот только богиня Жизни не шаталась бы от усталости и не мечтала лечь прямо на пол. Наверное.

— Он теряет тепло, — выпалил юноша, едва Мила подошла. — Я закрыл сосуды, как вы учили, но боль не проходит. Заклинание не держится. Я уже трижды пытался, а оно каждый раз распадается.

— Спокойно, — сказала Мила, хотя самой ей хотелось заорать. — Покажи рану.

Она осторожно убрала край повязки и провела ладонью над окровавленной кожей. Воздух под пальцами задрожал. От центра её ладони отделилась тонкая зелёная нить целительной силы и потянулась к разорванным тканям. На миг Мила почувствовала рану так, будто та находилась в её собственном теле: пульсирующую боль, холод, повреждённые сосуды, рваные края мышц. Зелёная нить коснулась источника повреждения — и оборвалась. Просто лопнула, словно наткнулась на невидимое лезвие.

Мила нахмурилась.

Ну конечно, обычной раны нам было бы недостаточно. Всё обязательно должно быть сложнее.

Она попробовала снова, направляя силу глубже. Нить продержалась чуть дольше, задрожала и опять распалась. Под кожей что-то отталкивало магию Жизни.

— Там осколок, — сказала Мила. — Глубоко. Пока мы его не вытащим, любое лечение будет разрушаться.

Молодой целитель побледнел ещё сильнее.

— Я могу позвать магистра Эллиана.

— Магистр Эллиан сейчас в восточном крыле. У него трое смертельно раненых и, скорее всего, даже времени дышать нет. — Мила протянула руку. — Щипцы.

Юноша торопливо подал инструмент.

Мила перевела взгляд на Тео:

— Придержи его. Он будет дёргаться.

Тео молча занял место у изголовья и положил руки на плечи мужчины. Мила заметила, как напряглась его челюсть. Он тоже устал. Это было видно по теням под глазами, по слегка замедленным движениям, по тому, как тяжело он выдохнул, наклоняясь над койкой. Мила разрезала повязку и осторожно раздвинула края раны. Мужчина застонал и попытался отвернуться, но Тео удержал его.

— Смотрите на меня, — негромко сказал он. — Дышите медленно. Сейчас будет больно, но недолго.

— Отличное утешение, — прохрипел преподаватель.

— Врать пациентам мне запретили.

Несмотря на боль, мужчина выдавил что-то похожее на смешок.

Мила тем временем увидела осколок. Крошечный, чёрный, похожий на кусок закопчённого стекла, он засел глубоко в тканях. От него расходились тонкие тёмные прожилки. Они медленно ползли в стороны, будто осколок пытался пустить корни внутри человеческого тела. Мила приблизила ладонь и осторожно коснулась одной из прожилок целительной нитью. Зелёный свет вспыхнул — и мгновенно почернел на конце. По пальцам ударило ледяным онемением.

Мила резко отдёрнула руку.

— Что? — тут же спросил Тео.

Она растёрла пальцы, возвращая им чувствительность.

— Это не просто металл. В осколке тёмная магия.

— Может, всё-таки позвать кого-нибудь? — молодой целитель шумно сглотнул.

Мила бросила на него взгляд. Хотелось ответить: *«Конечно. Позови ещё десяток целителей, желательно отдохнувших и опытных. Они наверняка прячутся в шкафу».* Но парень и без того выглядел так, будто вот-вот потеряет сознание.

— Некого звать, — сказала она мягче. — Придётся справляться самим.

Тео склонился ближе к ране.

— Сможешь вынуть?

Нет.

Это слово первым возникло в её голове. Мила была вымотана, пальцы дрожали. Сил почти не осталось. Один неверный рывок мог разорвать сосуд, а тёмная магия — распространиться ещё глубже.

Нет, не смогу. Пусть кто-нибудь другой. Пожалуйста.

Но рядом не было никого другого. Мила коротко кивнула.

— Смогу.

Мила ввела щипцы в рану. Края чёрного осколка оказались скользкими, и инструмент дважды срывался. Каждый раз преподаватель глухо стонал, а по его вискам стекал пот.

— Простите, — прошептала Мила.

— Просто… достань эту дрянь.

— С радостью.

На третий раз щипцы сомкнулись. Мила задержала дыхание и резко потянула. Осколок вышел с влажным звуком. В тот же миг мужчина выгнулся дугой и закричал. Тео едва удержал его на койке. Из раны вырвалась волна ледяного воздуха, разметав бинты со стола. Лампы замигали, одна из них погасла. Молодой целитель отшатнулся и едва не опрокинул ведро. Тьма скользнула по щипцам и на мгновение обвила пальцы Милы. Она вскрикнула и разжала руку. Инструмент вместе с осколком упал в металлическую чашу. Чёрный кусок дёрнулся на дне, будто живой, и затих.

— Мила! — Тео потянулся к ней.

— Со мной всё хорошо.

Ложь. Пальцы онемели, запястье жгло, а перед глазами на секунду потемнело. Но раненый истекал кровью. Разбираться с собой она будет потом. Если это «потом» вообще когда-нибудь наступит.

— Держи его, — выдохнула Мила. — Я ещё не закончила.

Она снова провела ладонью над раной. На этот раз зелёная нить беспрепятственно вошла в повреждённые ткани. Сила Жизни потекла из неё медленно и осторожно. Мила нащупала

разорванные сосуды и один за другим закрыла их, останавливая кровь. Затем соединила края повреждённых мышц, приглушила воспаление и направила тонкие потоки магии к нервным окончаниям, успокаивая боль. Каждое движение отзывалось тяжестью в её собственномтеле. Сердце колотилось всё медленнее, руки наливались свинцом. Казалось, невидимые пальцы вытягивают из неё тепло по капле.

Ну же, ещё чуть-чуть. Не вздумай вырубиться сейчас.

Последняя зелёная нить растворилась в ране. Мила ещё несколько секунд держала ладонь над кожей, проверяя результат. Кровотечение остановилось. Тёмных прожилок больше не было. Сердце билось ровно, хоть и слабо. Жить будет.

— Чистую повязку.

Молодой целитель наконец пришёл в себя и торопливо протянул бинты. Мила обработала края раны и наложила плотную повязку.

— Следи за температурой и пульсом. Если снова начнёт терять тепло или появятся тёмные прожилки, сразу зови меня. И не трогай осколок голыми руками. Вообще не трогай. Накрой чашу и позови кого-нибудь из магов Света.

Парень быстро закивал. Мила выпрямилась и сделала шаг назад. И тут её ноги просто перестали существовать. Колени подогнулись. Пол стремительно качнулся навстречу, но Мила не успела даже испугаться. Тео поймал её раньше, чем она упала.

— Всё, Мила.

— Тео, я не могу… Там ещё раненые.

— А ещё там есть другие целители.

— Они не справятся.

— Справятся. Если ты сейчас рухнешь, пациентов станет на одного больше, — отрезал он. — И угадай, кому придётся тебя лечить.

— Тебе?

— Именно, а я ужасный целитель.

— Ты вообще не целитель.

— Вот видишь, насколько всё плохо.

Мила хотела возразить. Она даже придумала что-то убийственно язвительное, но слова куда-то исчезли. Перед глазами поплыли тёмные пятна, а гомон лазарета отдалился, превратившись в глухой шум, словно Мила оказалась под водой.

— Эй. — Голос Тео прозвучал совсем близко. — Посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Ты смотришь мне в подбородок.

— Какая разница? У тебя симпатичный подбородок.

— Значит, дело совсем плохо. Обычно ты не делаешь мне комплиментов.

Тео осторожно усадил Милу на ближайшую скамью и опустился рядом, бережно перехватив её ладонь.

— Закрой глаза, — велел он, и в его руках заиграли золотисто-синие искры. — Я сниму напряжение.

Тео направил поток прохладной воды, чтобы смыть усталость, и добавил немного тепла, чтобы расслабить мышцы. Магия окутала, словно мягкое одеяло, снимая напряжение с каждой клеточкой тела. Мила прислонилась к его плечу, чувствуя, как возвращается ясность в голове. Тео мягко убрал выбившуюся прядь с её лица, его пальцы задержались на её щеке.

— Цветочек мой замученный.

Мила открыла один глаз и покосилась на него.

— Только попробуй назвать меня так при остальных.

— А что будет?

— Вон тот осколок видишь?

— Который проклят тёмной магией?

— Именно.

— Намёк понял.

Она снова закрыла глаза и устроилась на его плече удобнее.

— Но сейчас можешь, — едва слышно добавила Мила.

Тео на мгновение замер. Затем осторожно накрыл её ладонь своей.

— Отдыхай, цветочек, — прошептал он.

***

Дэррил ввалился в комнату, даже не подумав постучать: грязный, промокший насквозь, перепачканный кровью и улыбающийся так безумно, будто только что вернулся с особенно удачной прогулки.

— Живой! — заорал он с порога так громко, что Эльза, сидевшая на кровати, вздрогнула, а затем рассмеялась, прижав ладонь к груди.

— Я слышу, любимый, ты орёшь как три гарнизона сразу.

— После того как я выбрался из этой мясорубки, я вообще теперь всегда буду орать, потому что это мой новый способ праздновать жизнь. В библиотеке буду орать, на заседаниях, перед леди Иреной, когда она вызовет меня на ковёр...

— Дэррил, — перебила Эльза, протягивая руку на его голос.

Он умолк мгновенно, словно её тихое обращение было единственным приказом, ослушаться которого он не мог. Подойдя к кровати, Дэррил опустился перед Эльзой и положил голову ей на колени, так тяжело выдохнув, будто лишь сейчас позволил себе поверить, что действительно вернулся. Руки Эльзы давно научились видеть за неё: осторожно коснулись висков, скул и губ, прошлись по колючему подбородку, скользнули в мокрые волосы, задержались возле рассечённой брови и спустились к щеке.

— Ты весь в крови.

— Чужая, не моя. Ну… почти вся не моя.

— Дэррил.

— Там один маг огня решил, что он самый красивый, — пробормотал Дэррил, прижимаясь лбом к её ладони. — Подбежал ко мне с таким видом, будто я лично должен ему денег, извинений и собственную голову в придачу, а я объяснил, что дома меня ждёт самая красивая и умная девушка на свете, поэтому умирать мне никак нельзя: она меня потом сама убьёт.

Эльза всхлипнула — то ли рассмеялась, то ли всё-таки не удержала слёз.

— Убедительный довод.

— Вот именно, но он оказался тугодумом, так что пришлось объяснять кулаками. Ему не понравилось, мне, если честно, тоже, потому что челюсть у него была отвратительно твёрдая.

— Бедный мой герой.

Улыбнувшись, Эльза притянула его ближе, и Дэррил наконец затих под её пальцами, медленно гладившими его затылок.

— Я боялась за тебя, — произнесла она так тихо, что слова почти потерялись в его дыхании. — Каждый раз, когда ты уходишь, я сижу здесь и считаю секунды, сначала убеждая себя, что это глупо и нужно чем-нибудь заняться. Потом проходит час, за ним ещё один, а я всё равно считаю и думаю: что, если сегодня ты не вернёшься? Что я тогда буду делать, Дэррил? Как, чёрт возьми, я буду без тебя?

— Будешь жить, Эльза.

— Не говори так.

— Будешь, — упрямо продолжил он. — Будешь пить чай с Милой и притворяться, что тебе нравится её кошмарно полезный травяной сбор, от которого даже мёртвые встают, чтобы пожаловаться. Станешь слушать рассказы о цветах, кивая там, где положено. И будешь ругать Амалию за то, что она опять работает до изнеможения, потому что кто-то же должен это делать, пока Дормиэль только хмурится и искренне верит, что этим помогает.

Эльза тихо рассмеялась сквозь слёзы.

— Он действительно так думает.

Дэррил спрятал лицо у неё на плече и больше не пытался шутить, а лишь обнял её за талию, прижимаясь крепче.

— Дурак ты, Дэррил Хейз, — прошептала Эльза, запуская пальцы в его мокрые волосы.

— Зато твой.

Не выдержав, Дэррил притянул её к себе и поцеловал, сначала осторожно, будто всё ещё боялся причинить боль, а потом крепче, чувствуя, как её руки обвивают его шею и стирают последние следы того места, откуда он вернулся. Эльза прижалась к нему, ловя сбившееся дыхание и тепло губ, пока весь остальной мир со своим кошмаром, кровью и вечным бардаком хотя бы ненадолго не затих.

Первым отстранился Дэррил, хотя руки с её талии так и не убрал.

— Я люблю тебя и сделаю всё, чтобы ты была счастлива, слышишь?

— Слышу, — Эльза коснулась лбом его лба. — Я тоже тебя люблю, даже когда ты ведёшь себя как полный идиот.

Некоторое время они сидели молча, прижавшись друг к другу, пока Эльза не отстранилась и не произнесла с притворной строгостью:

— А теперь рассказывай, что там случилось, пока ты изображал бессмертного героя.

Дэррил переплёл их пальцы и самым невинным тоном ответил:

— Скукота.

Эльза засмеялась, ощущая тепло его ладони в своей.

— Врёшь ты всё, Дэррил.

— Может быть. Но я хочу, чтобы ты улыбалась. Твоя улыбка, твой смех — это то, за что я воюю.

— Знаешь, — сказала она, проведя пальцами по его щеке, — я чувствую, что ты весь в грязи. И в крови. И вообще пахнешь как поле боя.

— Звучит почти как комплимент.

— Это приглашение в ванную, — поправила Эльза, поднимаясь и не выпуская его руки. — Отмоешься, а потом будешь лежать смирно, пока я не решу, что от тебя больше не несёт мокрой собакой.

В ванной Дэррил закрыл дверь, зажёг свечу и принялся наполнять таз; металлический кувшин тихо постукивал о край, выдавая дрожь, которую Дэррил явно надеялся скрыть.

— Раздевайся.

Кувшин замер в руке Дэррила, и Эльза, уловив внезапную тишину, с трудом сдержала улыбку.

— Рубашка, Дэррил.

— А я ничего такого и не подумал.

— Ну да, конечно.

Зашуршала ткань: он стянул рубашку, бросил её в угол и уселся на низкую скамью возле таза, едва не упершись коленями в стену. Эльза встала между его ног, на ощупь нашла мыло, полотенце и футляр с бритвой, после чего замерла, словно передумала. Дэррил осторожно коснулся её запястья, провёл пальцами по ладони и вложил в неё бритву.

— Побрей меня. Не бойся, я тебе доверяю.

Эльза проверила, удобно ли лежит рукоять, затем свободной рукой провела по его волосам, виску и линии челюсти, запоминая положение головы.

— Сам-то не боишься?

— Вообще ни капли.

Её пальцы задержались на его шее, и Дэррил понял, что прозвучал не слишком убедительно. Эльза коротко вдохнула, прижала к его лицу тёплое полотенце, распаривая кожу, а потом осторожно покрыла щёки и подбородок мыльной пеной. Большим пальцем она стёрла белую полоску у самых губ.

— Только не улыбайся.

Поднятое лезвие на мгновение зависло возле его щеки. Рука Эльзы оставалась твёрдой, однако пальцы на рукояти сжались чуть сильнее, и Дэррил, разжав пальцы на краю скамьи, положил ладони ей на бёдра.

— Я здесь.

Первое движение получилось коротким и осторожным: металл тихо прошелестел по щетине, после чего Эльза проверила выбритую полоску пальцами и продолжила, снимая пену небольшими участками. Дэррил следил за её сосредоточенным лицом, пока лезвие не приблизилось к подбородку.

— Голову ниже.

Он послушно запрокинул её, открывая шею. Пальцы Эльзы легли ему на горло, чуть натянули кожу, и, когда холодный металл коснулся места, где бился пульс, ладони Дэррила невольно сжались на её бёдрах. Эльза медленно провела лезвием вдоль шеи, убрала его и на ощупь проверила кожу.

Закончив, Эльза отложила бритву и тщательно ощупала его лицо: пальцы скользнули от виска к подбородку, прошлись под челюстью и задержались на гладкой шее.

— Всё, готово.

— Я всё ещё жив?

Она нащупала его нос и легонько щёлкнула по нему.

— К сожалению.

Дэррил поймал её за запястье, прижал ладонь к своей щеке и довольно ухмыльнулся.

— Ни одного пореза. Я впечатлён.

Эльза не удержалась от улыбки и принялась вытирать остатки пены, а когда закончила, Дэррил притянул её за талию, устраивая между своих коленей.

— Теперь ванна.

— Я уже чистый.

Она провела пальцами по его волосам и показала серую пыль, оставшуюся под ногтями.

—Живо в воду.

— Только при одном условии. — Он протянул ей кусок мыла. — Спину тоже доверю тебе.

Рассмеявшись, Эльза толкнула его к ванне.

— Иди уже, герой. Пока я не передумала.

***

Глубокая ночь уже окутала комнату, когда на пороге бесшумно появился Дормиэль и жестом велел Дэррилу следовать за собой. Тот осторожно высвободился из объятий Эльзы, поправил на ней одеяло и поцеловал в висок — это движение давно стало привычным, почти автоматическим, повторяемым каждый раз перед уходом. Эльза не проснулась, лишь её рука, цеплявшаяся за его рубашку, дрогнула и медленно разжалась, словно даже во сне она не хотела его отпускать.

Выйдя в коридор, Дормиэль прислонился к холодной каменной стене и негромко произнёс:

— Паладины прибыли, все три отряда разместились в южном дворе около часа назад.

Говорил он ровно, однако Дэррил слишком хорошо его знал, чтобы не уловить скрытого напряжения.

— Так это же замечательно, — с надеждой отозвался он. — Наконец-то подкрепление, которого мы столько ждали.

— Было бы замечательно, явись они одни, — в голосе Дормиэля прозвучала горечь. — Вместе с ними прибыл посланник из Солардиса с личным приказом короля.

Дэррил нахмурился, почувствовав, как недолгая радость мгновенно сменилась тревогой: что-то в тоне друга ясно подсказывало, что ничего хорошего посланник не привёз.

— И чего он хочет?

— Немедленного возвращения Амалии в Солардис, — Дормиэль стиснул кулаки. — Король настаивает, что Хранительница должна находиться под его личной защитой в столице, подальше от линии фронта.

Он ненадолго замолчал, после чего добавил уже тише:

— Посланник утверждает, будто это «воля Света», а королевский приказ обсуждению не подлежит.

— Что-то мне подсказывает, что наша дорогая подруга пошлёт их куда подальше, причём, если настроение будет совсем паршивым, лично объяснит, как добраться до самых тёмных глубин Бездны.

— В этом я уверен на тысячу процентов, — мрачно усмехнулся Дормиэль. — Но я разбудил тебя не ради обсуждения её дипломатических талантов: ты заступаешь на дежурство в западном секторе, и вместе с тобой отправится второй отряд магов Света.

— Так и знал, что ты пришёл среди ночи не просто пожелать мне сладких снов.

Вернувшись в комнату, Дэррил постарался ступать как можно тише. Эльза по-прежнему спала, свернувшись калачиком на его половине кровати и обнимая подушку так, словно пыталась заменить ею его самого. Её дыхание оставалось ровным, а на губах застыла едва заметная улыбка — должно быть, ей снилось что-то хорошее, и Дэррил на мгновение замер, позволяя себе просто смотреть на неё и забыть обо всём творившемся за этими стенами. Чёрт, как же не хотелось уходить, особенно теперь, когда тревога уже привычно скреблась внутри, напоминая, что впереди их вряд ли ждёт хоть что-нибудь простое.

Он собрался быстро и почти бесшумно, натянув чёрный лёгкий костюм, прилегавший к телу подобно второй коже и идеально подходивший для ночных вылазок. В потайных карманах разместились метательные ножи и небольшие амулеты, которые Мила заставляла носить «на всякий случай», после чего Дэррил затянул шнуровку на груди, проверил кинжал и спрятал за голенищем второй, потому что одного «всякого случая» в их жизни обычно оказывалось недостаточно.

Оставив за спиной тёплую комнату, он спустился по тёмным коридорам Академии, где каждый шаг глухим эхом расходился под сводами, а холодный зимний ветер, проникавший сквозь бойницы и трещины в камне, забирался под одежду, заставляя плотнее запахнуть куртку. Когда Дэррил добрался до западного сектора, маги Света уже ждали его у выхода на стену — совсем молодые, но с лицами людей, успевших слишком многое увидеть на войне, и решимостью во взглядах, за которой каждый из них старательно прятал страх.

Старший отряда шагнул навстречу и коротко склонил голову:

— Командир, мы готовы.

Они заняли позиции на стенах, откуда открывался вид на южный двор, заполненный прибывшими паладинами. Знамёна с символом Света гордо реяли в темноте, однако Дэррил не доверял этой показной демонстрации силы, слишком уж похожей на попытку убедить окру-

жающих в собственной непобедимости. Его внимание привлёк странный шум, донёсшийся с горизонта: едва заметное движение быстро превратилось в тёмную массу, приближавшуюся к Академии с юго-востока. Напрягшись, Дэррил всмотрелся в ночь и вскоре различил силуэты всадников, мчавшихся во весь опор; они оставались слишком далеко, чтобы рассмотреть детали, однако направление не оставляло сомнений — двигались они прямо к Академии.

— Тревога! Всем занять боевые позиции!

Пока всадники приближались, из общей тёмной массы проступали отдельные фигуры в длинных плащах, с капюшонами, скрывавшими лица, и оружием, поблёскивавшим в лунном свете.

— Это они, — выдохнул стоявший рядом маг. — Приспешники Тьмы.

Дэррил прижал ладонь к сигнальной руне, активируя защитную систему Академии, и магические колокола тут же ударили тревожным набатом, гулким эхом прокатившимся по стенам. Коридоры залило алым светом, в лазарете маги Жизни принялись готовить зелья и лечебные заклинания, а маги Разума объединили защитников мысленной связью, пока по периметру одна за другой вспыхивали дополнительные руны. В южном дворе паладины отреагировали мгновенно: командир поднял отряды и выстроил бойцов, обращая их сомкнутые ряды к надвигающейся тьме.

— Огонь! — приказал Дэррил.

Первый залп магии Света ударил по всадникам, и золотые стрелы, сотканные из чистой энергии, прорезали ночь, вырывая из тёмной массы отдельные фигуры. Однако на место павших тут же выходили новые, продолжая наступать без колебаний, и вскоре паладины ринулись им навстречу, сталкиваясь с магами Тьмы и Стихий в оглушительном грохоте оружия и заклинаний.

Стоя на стене с коротким боевым клинком в руке, Дэррил смотрел на приближающуюся Тьму и никак не мог отделаться от мысли, насколько безумно изменилась его жизнь. Несколько месяцев назад он был обычным студентом, чертившим руны на бронзовых пластинах и мечтавшим хотя бы не провалить экзамен по рунописи, а теперь командовал вторым отрядом Академии. Ради этого он тренировался до изнеможения, пока руки не начинали дрожать, а пальцы не сводило судорогой от бесконечного черчения символов; ездил в Лапидию, учился у старых мастеров и ночами перечитывал древние трактаты, которые прежде считал смертельно скучными. Постепенно его руны начали вспыхивать так ярко, как не вспыхивали никогда, а страх ошибиться уступил место холодной уверенности.

— Второй залп!

Шагнув вперёд, Дэррил уже выводил пальцами сложные символы, требовавшие безупречной точности. Первый всадник вырвался из темноты, но его встретила волна серебристого света: руна «Сцепления» вспыхнула в воздухе, опутывая коня и наездника невидимыми нитями, после чего оба рухнули, даже не успев закричать. Над головой Дэррила развернулась руна «Щита», принявшая на себя удар тёмной магии; не вздрогнув, он сместился в сторону и продолжил чертить, потому что останавливаться сейчас означало подставить всех, кто стоял за его спиной. Второй противник попытался обойти его с фланга, но Дэррил заметил манёвр раньше, чем тот успел приблизиться. Пальцы описали короткую резкую дугу, и руна «Копьё» сорвалась с ладони, пронзив Тьму вместе со скрывавшимся в ней всадником.

— Командир, слева! — раздался крик одного из магов.

Дэррил резко развернулся, вскидывая клинок и одновременно завершая новый символ. Слева к нему приближались трое всадников, уверенные, что зажали его у края стены и теперь быстро расправятся с одинокой целью.

— Трое против одного? Нечестно, хотя чего ещё от вас ждать.

Руны вспыхнули одна за другой — «Защита», «Отражение» и «Удар», — сплетаясь в единый узор, который Дэррил придумал во время одной из бессонных ночей, когда тупо чертил

символы в воздухе до боли в пальцах, лишь бы не оставаться наедине с тревожными мыслями. Тогда эта комбинация казалась безумной фантазией, зато теперь она работала именно так, как нужно. Из рук вырвалась волна серебристого света, сметая противников, словно сухие листья: двое рухнули на землю, а третьего, попытавшегося отступить, настигла руна «Пленение», и невидимые цепи сомкнулись вокруг всадника, обездвижив его.

— Отлично, теперь следующая волна! — приказал Дэррил, оборачиваясь к отряду. — Не дайте им приблизиться к стенам!

Маги ответили слаженной атакой, пока он пытался перевести дыхание и унять дрожь в руках, зная, что за одной волной неизбежно придёт другая, а затем ещё одна, потому что война не собиралась останавливаться только ради того, чтобы они хоть немного отдохнули.

Дормиэль понял, что западный сектор начал сдавать, едва увидел, как дрогнуло сияние защитных чар. Паладины удерживали южный двор, маги Света прикрывали центр, однако там, где натиск врага оказался особенно плотным, строй защитников стремительно редел, и Дормиэлю не требовалось объяснять, что Дэррил сейчас находится именно в том месте, где огонь и смерть сжимают кольцо сильнее всего. Не тратя времени на раздумья, светлый бросился вперёд, почти бесшумно скользя по камням, а в его руке уже разгорался древний клинок, выкованный специально для борьбы с силами Тьмы. Каждый шаг был точен, каждое движение выверено до мелочей, хотя внутри всё давно срывалось в одно яростное: только бы успеть.

Добравшись до западного сектора, Дормиэль увидел, что маги отступают под натиском превосходящих сил, тогда как окружённый врагами Дэррил продолжает сражаться с отчаянным упрямством. Защитные щиты трещали, по их поверхности расползались тёмные разломы, а на камнях уже лежали те, кто больше не мог подняться.

Взмах клинка породил волну чистого света, которая прокатилась над стеной и заставила противников отшатнуться, подарив защитникам несколько драгоценных мгновений для перегруппировки.

— Держитесь, я с вами! — крикнул Дормиэль, врываясь в самую гущу боя.

Его клинок рассекал Тьму, будто раскалённое лезвие, и каждый точный удар отбрасывал очередного врага, пока приободрившиеся маги укрепляли щиты и переходили к более слаженным атакам. В ответ маги Стихий обрушили на Академию мощь природных сил: огненные шары взрывались на стенах, расплавляя камень, ледяные копья били в ослабленные участки защиты, земляные големы поднимались у основания крепости, а воздушные лезвия вгрызались в магические барьеры. В центре паладины сомкнули щиты, превратив строй в сияющую стену, над которой вспыхивали их освящённые клинки. Каждый шаг назад стоил кому-то крови, однако ни одной позиции они не отдавали без ожесточённой схватки.

Дормиэль, видя, как истончаются защитные линии, собрал вокруг себя группу сильнейших магов. Вместе они создали мощный щит, который загородил весь западный сектор. Под его защитой бойцы получили передышку, чтобы перегруппироваться и восстановить силы. Привалившись к стене и пытаясь отдышаться, Дэррил покосился на сияющего Дормиэля, который на фоне ночного неба выглядел слишком уж заметной мишенью.

— Долго ты ещё собираешься светиться как маяк? А то враги решат, что мы их сюда приглашаем.

В какой-то момент начало казаться, что силы Света наконец теснят армии Тьмы и Стихий, однако надежда продержалась недолго: небо сгустилось до черноты, а над горизонтом возникли тёмные точки, стремительно превращавшиеся в кошмарные силуэты, от одного вида которых кровь стыла в жилах. В бой ринулись крылатые создания, отдалённо похожие на демонов, но всё же совершенно иные. Их кожистые крылья с оглушительным свистом рассекали воздух, когтистые лапы тянулись к защитникам Академии, а исходившая от живности мощь заставила отшатнуться даже опытных магов.

— Что это за твари?! — воскликнул один из паладинов, вскидывая щит.

Дормиэль застыл, ощутив в них нечто чужое и противоестественное, ведь демоны никогда не служили магам Тьмы: они сражались с ними за территории, за тени, за право оставаться единственной Тьмой этого мира и ненавидели любого, кто не принадлежал к их роду. Их невозможно было приручить или подчинить, однако эти существа двигались рядом с тёмными магами так слаженно, словно всегда были частью их армии.

— Не дайте им приблизиться! — крикнул Дормиэль, поднимая клинок. — Маги, ставьте воздушные барьеры!

Но было поздно. Крылатые твари обрушились на строй Академии, прорвали первые щиты и принялись кружить над полем, высматривая новые жертвы. Их когти вспарывали камень, рёв заглушал команды, а при каждом приземлении земля вздрагивала так, будто сама крепость пыталась сбросить их со своих стен. Маги Света возводили новые барьеры, но создания пробивали их с пугающей лёгкостью, наполняя воздух криками раненых и звоном оружия. Отбивая очередную атаку, Дормиэль понимал, что столкнулся с силой, о которой ничего не знает и которая в любую секунду способна переломить ход битвы. Внезапно по его спине скользнула волна знакомой магии, такая холодная и мощная, что он невольно обернулся — и увидел Амалию. Она стояла на крепостной стене, пока ветер трепал её волосы и светлый плащ с золотой вышивкой. В этот момент Амалия выглядела как воплощение самой ярости Света. Тёмный кожаный корсет с металлическими накладками подчёркивал фигуру, тонкие рукава развевались на ветру, наручи защищали предплечья, а многослойная юбка с асимметричными складками и ремнями колыхалась при каждом движении. Выглядела она эффектно, даже слишком, хотя внутри всё сжималось от страха, который Амалия старательно прятала за насмешливой улыбкой.

Стоило ненадолго прилечь — и они уже нашли каких-то летающих уродов. Просто замечательно.

— Что, без меня никак не справитесь, главнокомандующий? — бросила Амалия, и её язвительный голос разнёсся над полем боя.

Не дожидаясь ответа, Амалия вскинула руки, и между её ладонями вспыхнула ослепительная энергия, быстро разраставшаяся в сияющую сферу. Вокруг ожили магические символы, складываясь в древнее заклинание, а сердце колотилось так громко, что ей казалось — его слышат даже враги.

Только бы не облажаться.

— Думаете, сможете победить меня? Вы даже не представляете, на что способен истинный Хранитель!

Подняв руки, Амалия принялась плести древнее заклинание, соединяя в себе мощь Света и Рун, пока между её ладонями зарождалась ослепительная энергия, разраставшаяся в сияющую сферу. Магические символы ожили и закружились вокруг неё, складываясь в сложный узор, который с каждым мгновением становился плотнее и ярче. Высвободившись, заклинание обрушилось на врагов, словно молот богов, и крылатые твари, ещё недавно казавшиеся непобедимыми, забились в воздухе, корчась от боли. Амалия стояла в центре созданной ею бури, тяжело дыша и чувствуя, как по вискам стекает пот, но упрямо не опускала рук. Символы продолжали вращаться, вплетая новые узоры в заклинание, которое будто обрело собственную волю, а руны пульсировали в такт её сердцу, пока свет переливался через край и становился второй кожей.

Только бы выдержать… Вот же дерьмо, как больно.

Когда последнюю тварь отбросило прочь, Амалия медленно опустила руки; её тело дрожало от напряжения, однако на губах появилась торжествующая улыбка. Маги вокруг преклонили колени, склонив головы перед силой своей Хранительницы, а Дормиэль, не скрывая восхищения, поспешил к ней.

— Ты спасла нас, рунная леди, — произнёс он, глядя на неё так, словно всё ещё не мог поверить в случившееся. — Ты спасла Академию.

Амалия хотела ответить какой-нибудь колкостью, чтобы не выглядеть слишком растроганной, но сил не осталось даже на это. Колени подогнулись, и она начала падать, однако Дормиэль успел подхватить её прежде, чем она коснулась земли, ощутив жар её тела и прерывистое, тяжёлое дыхание.

— Жизнь! — крикнул он, бережно прижимая Амалию к себе. — Срочно в лазарет!

Целители появились почти мгновенно и, окружив Хранительницу, помогли перенести её в безопасное место, тогда как Дормиэль шёл рядом, не сводя взгляда с её побледневшего лица. В лазарете Мила уже приготовила всё необходимое и быстро осмотрела Амалию, проверяя, нет ли открытых ран.

— Магическое истощение из-за перегрузки, — заключила она, положив ладонь на лоб подруги. — Ей потребуется время, чтобы восстановиться.

Дормиэль опустился рядом с кроватью, наблюдая, как Амалия погружается в глубокий целительный сон, а её дыхание постепенно выравнивается и к лицу возвращается слабый румянец.

— Спасибо тебе, — прошептал он, сжимая её горячую ладонь. — Спасибо за всё.

В этот момент в лазарет стремительно вошёл Виллан, всё ещё тяжело дышавший после боя:

— Главнокомандующий, враг отступает по всем фронтам — они бегут!

Дормиэль едва заметно улыбнулся, не отрывая взгляда от Амалии.

— Это её победа, — тихо произнёс он. — Только её. Передай войскам, чтобы отдыхали, но выставили дозорных на стенах, а всем раненым приказали немедленно обратиться к целителям.

***

Пока Академия Шести Путей сияла золотым светом победы, в трёх днях пути к северо-востоку, в подземном зале, вырубленном в толще скалы, царила тишина — слишком глубокая для места, где решались судьбы миров. Чёрные стены жадно поглощали пламя свечей, и лишь установленный в центре стола огромный гранёный кристалл озарял скрытые капюшонами лица. На его поверхности, словно в помутневшей воде, повторялись мгновения недавней битвы: золотой купол, крылатые твари, корчащиеся в потоках света, и хрупкая фигура, стоящая в самом сердце бури. Амалия. Магистры Ордена сидели вокруг стола, сохраняя неподвижность, однако напряжение выдавало каждого — от скованных поз до побелевших пальцев, намертво вцепившихся в край столешницы.

— Она стала сильнее, причём гораздо быстрее, чем мы предполагали, — раздался из тени глухой голос.

— Мы вообще-то рассчитывали покончить с ней ещё полгода назад, — раздражённо отозвался другой. — Однако в итоге эта девчонка сама покончила с одним из нас.

— Монтгомери до сих пор не очнулся?

— Похоже, Сосуд вытянул из него слишком много сил.

— Пока она празднует победу, мы подготовим её падение, а до тех пор не мешайте ей играть в героиню, ведь это лишь приблизит её конец.

Кристалл на мгновение вспыхнул ярче, озарив склонившиеся лица, прежде чем голос Старшего Магистра вновь рассёк тишину:

— Поскольку запечатывание провалилось, мы переходим ко второму плану. Сай, Эль, для вас есть задание. В руинах Храма Шести Сил хранится артефакт — Осколок Искры, который понадобится нам для жертвоприношения.

Старший Магистр поднялся и направился к стене, где висела древняя карта, после чего провёл пальцами по растрескавшейся коже и остановился на месте, отмеченном выцветшим красным крестом.

— Нам нужно собрать все элементы. Осколок Искры, кровь Хранительницы и... — Он выдержал паузу, явно наслаждаясь повисшим в зале напряжением. — Душа мага.

Сай и Эль обменялись короткими взглядами: оба знали, кому служат и на что согласились, но даже их закалённые души дрогнули при этих словах.

— Подготовьте всё необходимое, поскольку действовать придётся быстро, пока Амалия окончательно не раскрылась, — приказал Магистр. — Я знаю, что ты не подведёшь меня, Сай, поэтому на рассвете вы отправитесь к руинам.

Стефан хищно улыбнулся и медленно облизнул пересохшие губы, ощутив, как недавнее напряжение сменяется мрачным предвкушением.

— Мы не подведём, — произнёс Сай, склоняя голову. — Руины Храма не сумеют отнять у нас добычу.

— Пусть древняя сила ведёт вас, — удовлетворённо кивнул Магистр. — Совсем скоро ты получишь то, чего всегда желал: Солардис склонится перед тобой, а ты станешь повелителем чужих судеб, ведь Орден дарует тебе вторую форму.

Глава 3

Шесть. Гребанных. Сил. А я сижу и ничего не могу сделать. Свет и Руны — мои старые добрые друзья. А остальные? Тьма, Стихии, Разум, Жизнь — они просто сидят внутри и делают вид, что меня не существует. Леди Ирена говорит: «Они внутри тебя, просто позволь им войти». Ага, они внутри. Как соседи, которые заварили чай и не открывают дверь. Я чувствую их, когда злюсь. Иногда когда боюсь. Но управлять ими — ни в зуб ногой. Они просто сидят, попивают свой чай и, наверное, ржут надо мной. ~~И когда это закончится...~~

Короче. Хватит ныть. Завтра попробую снова. Если не получится — буду пробовать, пока не сдохну или пока они не сдадутся. Потому что если я их не открою, Орден убьёт всех, кого я люблю. А я этого не позволю. Снова. Так что сидите там, четверо ублюдков. Я до вас доберусь.

Из дневника Амалии Брандт

— Чёрт, как же я это ненавижу!

Амалия рухнула на холодный каменный пол тренировочного зала, где осталась лежать, глядя в потолок и пытаясь отдышаться, пока каждая мышца сокращалась от перенапряжения. Было всего пять утра, а тренировка с леди Иреной уже выжала Амалию досуха, будто впереди предстоял не целый день, и можно было спокойно сдохнуть прямо здесь.

Невозмутимо поправив складки платья, леди Ирена покачала головой:

— Амалия, магия не приходит по приказу. Чем сильнее ты пытаешься подчинить её силой, тем упорнее она сопротивляется.

— Значит, я хреновый Сосуд с дырками, раз не могу вместить больше магии, — процедила Амалия сквозь зубы, — и такая же хреновая Хранительница Шести Путей, потому что храню всего два, но всё равно при каждом удобном случае валюсь без сил, будто… будто вообще не заслуживаю этого звания.

— «Хреновая»? Амалия, тебе уже двадцать два, а ругаться ты так и не научилась?

Знакомый голос прозвучал у входа, заставив сердце Амалии сначала пропустить удар, а затем бешено заколотиться где-то у самого горла.

Усталость всё-таки добила меня, и теперь начались грёбаные галлюцинации.

Амалия резко села и обернулась. В дверях стояла Рин Акияма, небрежно прислонившись плечом к каменному косяку и скрестив руки на груди, а её едва заметная улыбка выглядела так, словно между ними не пролегли месяцы тревог, потерь и мучительного молчания.

Амалия не верила собственным глазам. За время разлуки Рин изменилась: волосы, прежде спускавшиеся ниже талии тяжёлым тёмным шёлком, теперь едва касались плеч, подчёркивая заострившиеся скулы, а в стройной фигуре появилась почти военная собранность. Прежними остались лишь глубокие фиолетовые глаза, хранившие слишком многое, да любимое пурпурное кимоно, теперь украшенное серебряными застёжками и широким поясом с незнакомыми символами.

— Рин… — выдохнула Амалия, почувствовав, как к горлу подступает болезненный ком.

Слёзы неожиданно хлынули по щекам, хотя последние месяцы она запрещала себе плакать, заставляя боль каменеть где-то глубоко внутри. Однако сейчас могла лишь стоять посреди зала и смотреть на Рин, пока плечи дрожали, а ноги слабели. Рин оттолкнулась от косяка, и насмешка на её лице уступила место тревожной нежности.

— Эй, ты чего… — тихо произнесла она, и этих слов хватило, чтобы последние остатки самообладания рассыпались окончательно.

Амалия бросилась к Рин, после чего они обнялись так крепко, словно каждая пыталась убедиться, что другая действительно существует, а эта встреча не была наваждением или

жестокой игрой истощённого разума. Растрепавшиеся рыжие кудри Амалии рассыпались по плечам огненной волной. Среди них Рин нащупала тонкие косы, когда ещё крепче прижала подругу к себе. Амалия судорожно вдохнула знакомый аромат сандала и пряностей, окончательно поверив, что Рин настоящая. Та медленно гладила её по спине и шептала что-то успокаивающее, почти неразличимое, однако сейчас имели значение не слова, а голос, которого Амалия так мучительно долго не слышала.

— Я думала, что ты… — попыталась произнести Амалия, но сорванный рыданиями голос предательски надломился, так и не позволив закончить.

— Тише, — прошептала Рин, прижимая её к себе ещё крепче. — Я здесь, слышишь? Я вернулась.

Амалия не сразу нашла в себе силы разомкнуть объятия, а когда всё-таки отстранилась и вытерла слёзы тыльной стороной ладони, на их месте тут же выступили новые.

— Но как ты добралась? — спросила она, с трудом выравнивая дыхание. — Территория окружена, любая дальняя поездка сейчас может стоить жизни. Зачем, Рин? Зачем ты настолько рисковала?

Рин долго и внимательно смотрела на неё, после чего уголок её губ дрогнул, складываясь в ту самую заговорщическую усмешку, которую Амалия помнила ещё с первого курса. От этого знакомого выражения сердце болезненно сжалось, потому что наодно короткое мгно-

вение прошлое оказалось совсем близко — почти на расстоянии вытянутой руки. Переведя взгляд на леди Ирену, которая всё это время молча наблюдала за ними со стороны, Рин едва заметно кивнула.

— Наш дорогой ректор попросила меня тебе помочь.

— Помочь с чем? — растерянно переспросила Амалия.

Рин демонстративно закатила глаза.

— Как ты там выразилась — «Сосуд с дырками»? Я, конечно, не Дэррил и настолько изящно шутить не умею, но всё же… — Она выдержала паузу, с нескрываемым удовольствием наблюдая, как недоумение на лице Амалии постепенно сменяется нетерпением. — Я приехала, чтобы многострадальный Сосуд наконец наполнился ещё одной силой — магией Разума.

Амалия замерла, не решаясь до конца осмыслить услышанное. Слова Рин звучали слишком невероятно и не укладывались в голове.

Первой затянувшееся молчание нарушила леди Ирена:

— Ещё месяц назад я отправила письмо семье Акияма с просьбой о помощи, поскольку пробудить в тебе силу Разума способен только менталист — не просто одарённый, а по-настоящему могущественный. Таких мастеров в Академии больше не осталось. — Леди Ирена перевела взгляд на Рин, и в её обычно строгом, непроницаемом лице на мгновение проступила искренняя благодарность. — Рин согласилась вернуться, несмотря на опасность.

Амалия снова посмотрела на подругу, и смысл сказанного наконец обрушился на неё всей тяжестью: Рин пересекла охваченные хаосом земли, рискнула жизнью и добровольно вернулась туда, где каждый коридор хранил слишком много болезненных воспоминаний. Она преодолела всё это ради неё, и от подобной мысли в груди стало тесно, будто сердце разом забыло, как нужно биться.

Вот же дурочка… Какого демона она вообще решила, что моя жизнь стоит её собственной?

***

Они начали на следующий день. Рин сидела в центре круга, её фиолетовое кимоно расплывалось по каменному полу широким пятном. Она не двигалась, не открывала глаз — казалось, что Рин просто медитирует, отрешившись от всего вокруг. Даже дыхание её было почти незаметным. Амалия села напротив, подогнув под себя ноги. Она не умела сидеть так же неподвижно, как Рин, — тело всё ещё ныло после вчерашней тренировки с Иреной, пальцы слегка дрожали. Она пыталась успокоить дыхание, выровнять его, но мысли всё равно разбегались.

— Магия Разума — это искусство проникать в глубины чужого сознания, подчиняя себе мысли, чувства и воспоминания.

Амалия закрыла глаза и почти сразу ощутила, как Рин осторожно касается её сознания, а затем начинает проникать глубже.

«Попытайся спрятать от меня свои воспоминания», — голос Рин прозвучал у неё в голове, почти неотличимый от собственных мыслей.

Амалия представила невидимый щит, отгораживающий её память, однако тот мгновенно треснул под натиском ментального давления. Она попыталась снова, возводя стену слой за слоем, но та рассыпалась, словно песок под порывом ветра, и Рин беспрепятственно двинулась по коридорам её памяти, открывая одну дверь за другой. Амалию затошнило: ощущение чужого присутствия, копавшегося в её голове без спроса, оказалось до мерзости невыносимым.

Очередная дверь распахнулась, и за ней обнаружились воспоминания о том самом дне. Рин оказалась в амфитеатре, где перед ней проступили зыбкие силуэты Кассиана, Эльзы, профессора Монтгомери и… Макото. Увидев брата, Рин замерла посреди чужого воспоминания,

а грудь пронзила такая резкая боль, что стало трудно дышать. Рин отшатнулась, с силой вырываясь из воспоминания, и вновь оказалась в тренировочном зале, где стояла, тяжело дыша и прижимая ладонь к груди.

Открыв глаза, Амалия увидела, как подруга бледнеет, а её фиолетовые глаза расширяются от боли.

— Рин, я не хотела… — прошептала она, чувствуя, как внутренности скручивает от тревоги и вины.

— Ты не должна просить прощения ни за свою боль, ни тем более за мою, поэтому мы продолжим.

— Ты уверена, что справишься?

— Я не для того пробиралась через вражеские земли, чтобы остановиться на полпути, — отрезала Рин, хотя её дыхание всё ещё оставалось неровным. — Давай, Хранительница, покажи, на что способна, и даже не вздумай меня жалеть.

Глубоко вдохнув, Амалия снова закрыла глаза, после чего время потекло вязко и мучительно. Прошёл час, за ним второй, однако Рин не сдавалась, методично прощупывая границы её разума, тогда как Амалия всё сильнее сомневалась, что у неё вообще хоть что-нибудь получится. Каждое усилие оказывалось тщетным, а любая защита рассыпалась карточным домиком прежде, чем успевала обрести форму.

Великая Хранительница, способная спасти мир, но не умеющая запереть собственную чёртову голову.

— Прости, Амалия, но, если мы хотим сдвинуться с мёртвой точки, мне придётся действовать жёстко.

Амалия не успела спросить, что именно Рин имеет в виду, потому что уже в следующую секунду оказалась в родном доме Брандтов, где всё выглядело по-прежнему: старая кухня с низким потолком, глиняная кружка с трещиной на ручке и горьковатый запах трав, которые мама сушила на чердаке.

«Если ты не вытолкнешь меня из своего сознания, я сотру всё».

Амалия медленно подняла глаза и увидела у стола мать, которая что-то нарезала на доске, привычно склонив голову набок и тихо напевая старую песню. Возле печи смеялся отец — с мукой на рукаве и неизменной насмешливой нежностью во взгляде.

Пошатнувшись, Амалия вцепилась пальцами в край стола, пока внутри всё стремительно обрывалось, оставляя после себя лишь холодный, животный ужас.

— Нет… Ты не посмеешь.

«Посмею».

Кухня едва заметно дрогнула, и первым исчез запах трав — не мгновенно, а словно кто-то медленно вытягивал его из воздуха тонкой невидимой нитью. Горечь зверобоя, сухая сладость мяты и терпкая пыль чердака бледнели, пока Амалия судорожно вдыхала, пытаясь удержать хотя бы их жалкие остатки.

«Ты не сражаешься за себя, Амалия, потому что никогда этого не умела: тебя можно ломать, ранить, загонять на край, а ты всё равно стиснешь зубы и промолчишь».

Стены дома потускнели, солнечный свет у окна померк, а мамин голос стал тише, словно она уходила всё дальше.

«Зато ради других ты бросаешься в огонь — ради Света, Академии и всех, кто смотрит на тебя, ожидая чёртова чуда, так что сражайся за них сейчас».

Отец повернулся к ней, но его лицо уже расплывалось: сначала стёрлась ясность взгляда, следом исчезла улыбка. Амалия вскинула руку, будто могла одним жестом остановить происходящее.

— Прекрати, слышишь?!

«Вытолкни меня».

— Да прекрати же!

«Вытолкни меня, иначе я сотру их лица, голоса и смех, а ты больше никогда не вспомнишь, как пахли мамины волосы после дождя, как отец смеялся, когда ты путала руны, и как они называли тебя маленькой звездой, думая, что ты уже спишь».

Амалия зажала уши ладонями, хотя прекрасно понимала, насколько это бесполезно.

«Они исчезнут не потому, что я сильнее, а потому, что ты позволишь мне остаться».

Кухня рушилась, силуэты родителей растворялись, и страх, ещё мгновение назад сковывавший Амалию, стремительно перегорал в ярость. Нет, чёрта с два она позволит отнять ещё и это. Руны под кожей вспыхнули, выпуская тонкие нити света, и дом Брандтов озарился изнутри, будто прямо в его стенах взошло солнце.

«Вот так, борись».

Закрыв глаза, Амалия вцепилась в собственное сознание, удерживая запах трав, трещину на кружке, мамин напев и отцовский смех.

— Это моё, — прошептала она, чувствуя, как голос крепнет. — Они мои. Моя боль. Моя любовь. Моя память.

Когда Амалия распахнула глаза, в них полыхало золото.

— А тебя здесь нет и не должно быть, так что убирайся!

Что-то внутри пробудилось с оглушительной силой, и энергия, дремавшая годами, вырвалась наружу ослепительным потоком сиреневого света. Стены дома вспыхнули, каждая частица пространства запульсировала от обретённой мощи, а аура Амалии расширилась, прорываясь из сознания в материальный мир. Рин отшвырнуло невидимой волной; её тело прочертило в воздухе дугу, оставляя за собой россыпь искр. Сознание Амалии разрасталось, охватывая пространство вокруг и открывая потоки энергии, о которых она прежде даже не подозревала, так что мысли казались почти осязаемыми, а эмоции — странно послушными.

Когда сияние наконец угасло, Амалия открыла глаза и увидела тренировочный зал, посреди которого Рин сидела на полу, потирая виски и глядя на неё с нескрываемым изумлением.

— Поздравляю, Амалия. Ты только что пробудила то, что многие ищут годами, так что добро пожаловать в мир истинной магии Разума.

Амалия сверлила её взглядом, всё ещё чувствуя в груди эхо той кухни и ярости, с которой удерживала лица родителей, пока Рин безжалостно стирала их из памяти.

— Ты и правда могла их стереть?

— Да.

— Ты хотела стереть единственное, что у меня осталось от родителей.

— Я не хотела.

— Но сделала бы?

— Да. Потому что на поле боя никто не станет беречь твои воспоминания, Амалия. Никто не предупредит тебя заранее. Никто не остановится, если увидит, что ты плачешь. Маг Разума, который действительно захочет сломать тебя, не будет бить по щитам. Он найдёт самое дорогое и превратит это в нож. Истинная магия Разума не открывается через спокойствие. Не у таких, как ты. Тебе нужна была не техника, не медитация и не очередное упражнение на концентрацию.

— Это было жестоко…

— Магия Разума — не жестокость, Амалия. Если я научу тебя входить в чужое сознание, это не значит, что ты обязана ломать его. Ты можешь защищать, искать тех, кто потерялся в собственном страхе. Снимать внушения, закрывать разломы памяти, возвращать людей из кошмаров. Истинная магия Разума страшна не потому, что разрушает. Она страшна потому, что касается того, что нельзя потрогать руками.

Амалия одарила её холодным взглядом, после чего отвернулась, будто больше не могла выносить её присутствия.

— Больше никаких вторжений без разрешения и никаких угроз моим воспоминаниям.

— Согласна.

— Если ты ещё хоть раз прикоснёшься к памяти о моих родителях, — голос Амалии стал ледяным, — я найду в твоей голове самое дорогое и покажу, каково это — стоять и смотреть, как оно исчезает.

Она направилась к выходу, но, переступив порог, всё же остановилась.

— Рин, — позвала Амалия уже мягче, хотя напряжение из её голоса никуда не исчезло.

— Что? — Рин приподняла бровь, приготовившись выслушать новую порцию угроз.

— Я всё ещё злюсь, причём чертовски сильно, но… спасибо.

Когда дверь за Амалией закрылась, Рин позволила себе сползти на пол, потому что больше не было нужды притворяться, будто подобные тренировки не высасывают из неё последние силы. Если бы подруга узнала, насколько сильно она истощена после полугода одиночества, преследований и бесконечных кошмаров, то посмотрела бы с сочувствием, которого Рин сейчас просто не вынесла бы. Впрочем, признаваться в другом ей тоже не хотелось: Амалия вышвырнула её из своего сознания с такой мощью, какой мог похвастаться далеко не каждый прирождённый менталист.

Опустившись спиной на ледяной камень, Рин закрыла глаза, однако увиденное в сознании Амалии уже растравило рану, которую она столько месяцев пыталась залечить.

Да заживёт ли эта дрянь вообще?

Скорее всего, нет, потому что это был не шрам, способный со временем побледнеть, а бездонная дыра, куда время без толку сыпало песок, не в силах заполнить пустоту. В груди по-прежнему сидел стеклянный осколок, который при каждой мысли о брате поворачивался острой гранью.

— Жалкая слабачка, — прошептала Рин в тишину. — Ты же менталист и можешь стереть эту боль, а вместе с ней навсегда забыть его смех, глаза и запах…

Но Рин не сделает этого. Потому что, если она сотрет его из своей памяти, если уничтожит последние следы его существования в этом мире, то кто тогда будет помнить, каким он был? Кто будет хранить его улыбку, его упрямство, его веру в то, что мир можно изменить?

Задержав дыхание, Рин вдруг почувствовала, как воздух рядом сделался плотнее, словно кто-то бесшумно опустился на пол совсем близко. Не открывая глаз, она почти видела, как Макото привычно подтягивает колени к груди, опирается локтем на одно из них, а затем поворачивает голову, прищуривается и произносит свою любимую фразу: «Мы же Акияма — мы и не из такого выбирались». Рин слегка повернула голову, будто ещё могла поймать его взгляд, и на краткое мгновение стало так спокойно, словно он действительно сидел рядом, а ей достаточно было просто выдохнуть и признаться: «Я устала, Макото».

В этой иллюзии оказалось столько тепла, что боль ненадолго отступила, уступая место чему-то тихому и почти родному, однако стоило Рин приоткрыть глаза, как пустота обрушилась с новой силой. Рядом не было никого — только холодный камень, сгустившиеся по углам тени и насмешливая тишина.

— Я найду их, Макото, — прошептала Рин, всматриваясь в пустое пространство рядом. — Найду каждого, кто причастен к твоей смерти, выпотрошу их воспоминания, как рыбу, узнаю всё, что эти твари пытаются спрятать, и заставлю молить о смерти. А потом дам им её — медленную и мучительную, чтобы даже их души, рухнув в Бездну, продолжали помнить моё лицо.

***

Амалия сидела на полу, прислонившись к кровати, и чувствовала, как после тренировки медленно отпускает мышцы, хотя в голове всё ещё противно пульсировало после вторжения Рин. Мила перебирала на покрывале пучки сушёных трав, наполняя комнату запахами мяты и горькой полыни, а Эльза устроилась в кресле у камина и даже без зрения умудрялась выглядеть так, будто видит подруг насквозь.

— Ну, рассказывай, — потребовала Мила, не отрываясь от трав. — Как прошла тренировка с Рин? Говорят, ты заставила её буквально вылететь из твоей головы. Дэррил, когда об этом рассказывал, едва не лопнул от восторга.

— Она залезла в мои воспоминания и пригрозила стереть родителей, если я её не вытолкну, — ответила Амалия, откусывая лепёшку и мрачно думая, что после такого урока ей полагалось не восхищение Дэррила, а хотя бы три дня сна.

Мила негромко присвистнула, продолжая перебирать листья.

— Жёстко, хотя до невозможности похоже на Рин.

— Иногда самые жестокие учителя оказываются самыми полезными, — заметила Эльза, отпив чай. — Рин знает, что делает, даже если её методы вызывают желание чем-нибудь в неё запустить.

Амалия подняла на подругу усталый взгляд.

— Надеюсь, ты права, но я совершенно не уверена, что переживу ещё один такой урок, не прибив её на месте.

— Переживёшь, — с едва заметной улыбкой возразила Эльза. — Ты всегда выдерживаешь, просто иногда тебе нужен человек, который вовремя подтолкнёт тебя в спину.

— Или вышвырнет из собственной головы, — усмехнулась Мила.

Амалия фыркнула, но спорить не стала, потому что сил на это уже не осталось, да и подруги, чтоб их, всё равно были правы.

— Раз уж мы наконец собрались втроём, без раненых, донесений и нервных главнокомандующих, предлагаю поговорить о чём-нибудь приятном, — Мила потянулась, разминая затёкшие плечи, и бросила на подруг хитрый взгляд. — Например, о том, как у вас дела.

— У меня всё чудесно, — театрально вздохнула Эльза. — Мой безумный герой вернулся живым и почти невредимым, а теперь каждую ночь засыпает, уткнувшись носом в мои волосы. Я кладу голову ему на плечо и думаю, что, даже если снаружи весь мир полетит к демонам, в этом крошечном пространстве между нами всё будет хорошо.

— Боги, Эльза, когда ты говоришь такое, у меня сердце пропускает удар, — выдохнула Мила, на миг позабыв о травах.

— А что насчёт тебя? — поинтересовалась Амалия, откусывая лепёшку и с любопытством глядя на неё. — Я слышала, что один маг Стихий подозрительно часто задерживается возле твоего лазарета, и что-то мне подсказывает, что происходит это не случайно.

— Я, конечно, слепая, но даже я ощущаю эту вибрацию в воздухе, когда он рядом с тобой. И не смей отрицать, что он не переживает за тебя так же, как Дэррил переживает за меня.

— Или как Дормиэль переживает за одну упрямую рыжую Хранительницу, которая скорее свалится без сознания, чем признается, что устала, — невозмутимо добавила Мила, ловко переведя разговор на Амалию.

Та поперхнулась лепёшкой и закашлялась, прижимая ладонь к груди, хотя больше всего ей сейчас хотелось швырнуть в Милу подушкой.

— Я-то здесь вообще при чём?

— При том, — почти хором ответили подруги.

— Дормиэль убеждает себя, что сражается за Свет, Солардис и всех нас, но на самом деле значительная часть этой борьбы — за тебя.

— Он смотрит так, будто пытается запомнить каждую твою чёрточку на случай, если мир снова решит что-нибудь у него отнять, — добавила Мила, и насмешка в её голосе уступила место серьёзности. — Ты ведь прекрасно понимаешь, почему он это делает, просто боишься признаться самой себе.

Амалия опустила взгляд на надломленную лепёшку, чувствуя, как внутри болезненно сжимается что-то, чему она давно запретила подавать голос.

— Я не хочу отношений, ни с ним, ни с кем-либо ещё, потому что не могу снова подпустить человека настолько близко. Стоит мне позволить себе любить, и мир обязательно решит всё испортить, отнять самое ценное и оставить меня разгребать очередные обломки, а я больше не выдержу ни одной потери.

В комнате повисла тишина, наполненная тихим потрескиванием поленьев, и Амалия вдруг пожалела, что вообще открыла рот.

— Никто не требует, чтобы ты уже сегодня кричала о любви или бросалась в эти чувства с разбега, — мягко сказала Эльза. — Иногда достаточно просто не убегать от них.

— Дайте мне немного времени, — попросила Амалия, сжимая лепёшку так сильно, что та раскрошилась в пальцах. — Пусть сначала всё это закончится и мы доживём хотя бы до утра, а потом я, может быть, попробую понять, как снова любить и не ждать каждую секунду, что у меня отнимут и это.

— Тогда выпьем за утро, которое обязательно наступит, — с лёгкой улыбкой предложила Эльза, поднимая кружку.

Мила подхватила свою и осторожно чокнулась с ней.

— И за то, чтобы мы встретили его вместе.

***

Спустя два дня паладины под золотыми знамёнами покинули Академию. На рассвете пришла весть о прорыве северных рубежей, из-за которого столица Света оказалась под угрозой. Едва первые лучи коснулись заснеженных башен, знамёна свернули, а королевский посланник, ещё вчера требовавший от Амалии беспрекословного подчинения, теперь торопливо собирал карты и отдавал приказы о немедленном выступлении, так и не добившись своего: Амалия Брандт отказалась покидать Академию.

Дормиэль провожал отряд с южной стены, опершись ладонями о промёрзший камень и не отрывая взгляда от дороги до тех пор, пока последний всадник не скрылся за горизонтом. Солардис — его родина — снова был в опасности. Дормиэль должен был уйти вместе с паладинами. Должен был защищать столицу, сражаться плечом к плечу с теми, рядом с кем вырос и принёс свои первые клятвы. Каждый шаг удалявшегося отряда напоминал ему об этом. И всё же светлый маг остался, потому что осталась Амалия. Она выбрала Академию, её стены и людей, которых больше некому было защищать. Он не мог бросить её теперь, когда всё вокруг рушилось. В нём боролись долг перед родиной и преданность той, что незаметно стала для него дороже любых клятв.

Провожать паладинов Амалия не вышла. Она осталась в комнате, откуда молча наблюдала, как белые плащи один за другим растворяются в серой дымке зимнего утра, а вслед за ними исчезают и золотые знамёна. На снегу остались лишь длинные цепочки следов, напоминавшие, что совсем недавно здесь стояла целая армия, тогда как теперь Академия оставалась почти без защиты.

С этого дня её распорядок стал ещё плотнее. Несколько раз в день Рин занималась с Амалией, помогая ей укреплять контроль над магией Разума. Они упражнялись в небольшом зале рядом с бывшей библиотекой. Амалия училась ставить ментальные барьеры, распозна-

вать чужое присутствие и осторожно проникать в поверхностные мысли, не позволяя чужим эмоциям захлестнуть собственное сознание. Рин следила за каждым её движением, заставляя начинать заново при малейшей потере концентрации.

Тем же утром король Эйнар Солардис сидел у давно погасшего камина, почти не вставая с кресла последние несколько дней. Слуги называли его состояние усталостью, лекари говорили об истощении, а советники винили бессонные ночи, но лишь сам Эйнар не пытался себя обмануть, потому что понимал: это не недуг, который можно исцелить настоями или магией Жизни, а конец. Именно поэтому он требовал доставить Сосуд в Аурелион, причём не ради собственного спасения, на которое уже не надеялся, а ради того, кому вскоре предстояло занять трон. Молодому и неопытному наследнику придётся принять корону в самый страшный час, и сила Сосуда должна была защитить его там, где отцовские советы уже не смогут помочь.

— Ваше Величество, вам следует отдохнуть, — осторожно произнёс стоявший рядом советник.

Эйнар медленно поднял голову, и в его потускневших глазах вспыхнуло прежнее упрямство.

— Отдохнуть, пока мои солдаты гибнут? — хрипло переспросил он, хотя голос звучал едва слышно.

На коленях короля лежал очередной свиток с сорванной печатью и смятым краем, строки которого расплывались перед глазами, однако Эйнар продолжал упрямо вчитываться:

«Южные земли потеряны, три гарнизона уничтожены, выживших не обнаружено; паладины, удерживавшие оборону, погибли все до единого, а потери среди магов Света составляют сорок процентов личного состава…»

На этом месте король остановился, потому что буквы перестали складываться в предложения, превратившись в имена и лица людей, которых он отправил защищать рубежи, — тех, кто верил ему, исполнил его приказ и уже никогда не вернётся домой.

Эйнар попытался подняться, стиснув подлокотники и подавшись вперёд, но ослабевшие ноги не удержали его. Он тяжело рухнул обратно в кресло. Советник бросился на помощь, однако король едва заметным движением приказал ему остановиться, словно даже в последнюю минуту не желал выглядеть беспомощным. Сердце сбилось с ритма, пропустив удар, затем другой, после чего наступила долгая, пугающе неестественная пауза.

— Ваше Величество! — вскрикнул советник, всё-таки шагнув вперёд, но помочь уже не мог.

Эйнар Солардис, король Света и правитель, который провёл страну через годы мира, испытаний, утрат и побед, медленно закрыл глаза, пока свиток тихо хрустел в его ослабевшей руке, а на губах появлялась усталая, почти умиротворённая улыбка.

— Друг мой… я иду к тебе, — прошептал он перед тем, как его сердце остановилось.

В тот миг, ещё ничего не зная о смерти отца, Рафаэль Солардис стал королём, хотя ему было всего двадцать три — лишь на год больше, чем Амалии, и всё же между ними уже лежала пропасть. Амалия знала настоящую цену потерь. Она видела смерть в нескольких шагах от себя, держала защиту до полного изнеможения и принимала решения, после которых лежишь без сна, смотришь в потолок и думаешь, не ошиблась ли ты там, где ошибка стоила кому-то жизни. Рафаэль ничего подобного не пережил, поскольку никогда не терял друзей на поле боя, не смотрел в глаза тем, кого не мог спасти, не слышал, как за спиной рушатся щиты, и не отдавал приказов, от которых зависели тысячи жизней. Он изучал карты, фехтовал с лучшими наставниками и рассуждал о сражениях так уверенно, словно победа зависела лишь от того, насколько красиво и правильно расставлены фигуры.

Глава 4

Я официально схожу с ума. Сила Разума — это, конечно, круто, но никто не предупредил, что я буду слышать ВСЁ. Леди Ирена говорит, что я привыкну. Что это нормально. Нормально. Ага. Иду я, значит, по коридору, а в голове у меня — целый базар! Дэррил думает о том, что у него воняют сапоги. Мила переживает, что зальёт свои дурацкие цветы. А Дормиэль... я даже повторять не хочу, ЧТО он там думает, когда смотрит на меня. Я ЗНАЮ, А Я НЕ ХОЧУ ЗНАТЬ! ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ ПРОСТО ВЫКЛЮЧИТЬ ЭТУ ХРЕНЬ?! Если я доживу до завтра — я пойду к Рин и скажу: «Забери это обратно, я передумала, мне не надо, я лучше буду просто чертить руны на бронзе».

Из дневника Амалии Брандт

Зимний ветер бесновался за окнами Большого зала, словно упрямо искал щель, через которую сумеет прорваться внутрь. Снег с сухим шелестом хлестал по стёклам, налипал на них рыхлыми комьями, а по краям медленно разрастались тонкие ледяные узоры, похожие на серебристую паутину. В зале царил противоестественный холод: пламя гудело в широком камине, жадно пожирая поленья, но почти не согревая воздух; магические светильники под сводами неровно мерцали, будто тоже дрожали под ледяным дыханием зимы.

Леди Ирена склонилась над картой, разложенной на длинном столе. Зыбкий свет подчёркивал нездоровую бледность её лица и глубокие тени под глазами. Рядом сидел Дормиэль. Он неотрывно смотрел на карту, испещрённую отметками отступлений, павших крепостей и новых рубежей обороны, на которой с каждым донесением оставалось всё меньше золотых знаков. Амалия стояла напротив, опираясь ладонью на высокую спинку стула. Так ей было проще думать и удерживать мысли в порядке, когда каждая новая весть означала ещё один потерянный город, ещё один разбитый отряд и несколько сотен жизней, превратившихся в аккуратные цифры на бумаге.

Скоро от всего Света останутся карта, куча донесений и мы, идиоты, продолжающие делать вид, будто всё ещё можно исправить.

Вокруг стола собрались те, кому Амалия доверяла больше остальных: Рин Акияма, Мила Зорич, Дэррил Хейз и Эльза Вогель. Теперь они были уже не студентами, а её советом и опорой — людьми, которые исполнят приказ, даже если он поведёт их сквозь пламя, кровь и бесконечную зимнюю тьму. Чуть поодаль, у дальнего края стола, расположился канцлер Аларик; перед ним высилась стопка донесений, однако он не притронулся ни к одному, словно уже знал, что ничего хорошего в них не найдёт.

— Если война продолжится ещё несколько месяцев, Свет потеряет восточные земли, а через полгода у нас не останется и половины паладинов, — произнесла леди Ирена, проводя пальцем вдоль границы, где золотые метки почти вплотную соприкасались с чёрными. — Тьма следует за нами по пятам, а каждый новый рубеж приходится удерживать всё меньшими силами. Я уже не знаю, сколько мы ещё продержимся.

После этих слов зал накрыла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь воем ветра и треском расколовшегося в камине полена, выбросившего в дымоход сноп искр. Амалия медленно выпрямилась, понимая, что кто-то должен произнести вслух то, о чём остальные предпочитали молчать.

— У Тьмы появился сильный союзник, потому что Акватис перешёл на её сторону, а маги Стихий, прежде сохранявшие нейтралитет, теперь сражаются против нас. Их флот перекрыл побережье, штормы уничтожают переправы, а магия обращает саму землю против наших армий.

Амалия обвела собравшихся взглядом и сильнее сжала спинку стула, чтобы никто не заметил дрожи в пальцах.

— Мы начали проигрывать в тот момент, когда решили, будто сумеем справиться в одиночку.

Дормиэль поднял голову, их взгляды на мгновение встретились. Он промолчал, однако напряжённая челюсть выдала его мысли яснее любых возражений.

Да, я знаю, что тебе это не нравится. Мне тоже, чёрт возьми, не нравится признавать, что Свет не способен спасти себя сам, но от гордости стены не станут крепче, а мёртвые не поднимутся.

— Лапидия снабжает нас артефактами, но этого недостаточно, тогда как Вердис лечит раненых, хотя его возможности куда шире, а Менталис продолжает молчать, хотя магия Разума могла бы переломить ход войны. Каждое королевство помогает ровно настолько, чтобы позже заявить, будто не осталось в стороне, однако ни одно не даёт нам достаточно, чтобы победить.

— Что вы предлагаете? — спросил канцлер Аларик.

Амалия посмотрела на карту, хотя ответ давно созрел в её голове и теперь оставалось лишь произнести его вслух, рискуя показаться либо безумной, либо изменницей.

— Я хочу подчинить остальные королевства общей цели и заставить их выступить на нашей стороне.

Мила едва заметно нахмурилась, а Дэррил, до этого лениво раскачивавшийся на стуле, замер.

— Они не понимают, — продолжила Амалия, чувствуя, как в голосе звенит сдерживаемый гнев, — что, если Тьма победит, мы погибнем один за другим. Лапидия, Вердис, Менталис — каждый надеется отсидеться за своими стенами, наблюдая, как горит чужой дом, и убеждая себя, будто огонь не перекинется на их собственный. Но война не станет выбирать и рано или поздно придёт за каждым.

— И как ты намерена их убедить? — спросила Рин.

— Мы заплатим им.

Никто не пошевелился, и Амалия, выдержав недолгую паузу, заставила себя продолжить, хотя сердце уже колотилось как сумасшедшее.

— Предложим то, от чего они не смогут отказаться. С нас хватит отступлений, новых стен и ожидания, пока враг постучится в следующие ворота. Мы должны действовать сейчас, пока у нас ещё есть чем платить.

Дэррил хмыкнул и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Пока мы будем искать союзников и торговаться с их правителями, Тьма возьмёт ещё три крепости, ведь переговоры требуют времени, которого у нас почти не осталось.

Амалия резко повернулась к нему, едва удержавшись от того, чтобы высказать всё, что думала об их прежнем бездействии.

— Мы потеряем гораздо больше, если продолжим сидеть здесь и смотреть, как королевство Света разрывают на части. Время переговоров наступило не вчера и не месяц назад, а сейчас, пока у нас ещё есть армия, столица стоит, а золото, земли и имя хоть чего-то стоят. Если дождёмся, когда потеряем всё, нам останется предложить лишь собственную покорность.

Дэррил прищурился, но перебивать не стал. Эльза же чуть заметно улыбнулась: не видя лица Амалии, она слышала её твёрдый, властный голос, принадлежавший не девушке, которая просила разрешения действовать, а предводителю, готовому первой шагнуть во Тьму.

— Что именно мы можем предложить другим государствам? — спросила Мила. — Золото, ресурсы, земли? Одних обещаний им не хватит.

— Я знаю, — ответила Амалия и медленно провела пальцем вдоль восточной границы Солардиса. — Поэтому мы предложим им земли.

На лице канцлера Аларика не дрогнул ни один мускул, однако рука, протянутая к донесениям, застыла.

— Чьи земли?

Амалия подняла взгляд, понимая, что после следующих слов пути назад уже не будет.

— Солардиса.

В зале словно стало ещё холоднее, но отступать теперь было поздно.

Ну же, Амалия, раз уж решила шокировать половину Совета, хотя бы не дрожи, как перепуганная девчонка.

— Лапидия раскинулась среди каменистых пустошей. Несмотря на залежи руды, камня, оружейные мастерские и лучших рунных мастеров континента, ей не хватает плодородной земли. Мы предложим ей часть Солардиса — территории, граничащие с владениями Федерации.

Дормиэль не сводил с Амалии тяжёлого, пристального взгляда, который она чувствовала почти физически, однако заставила себя смотреть на карту. Канцлер Аларик медленно поднялся.

— Вы предлагаете пожертвовать частью королевства, чтобы спасти всё остальное?

— Я предлагаю решить, чем мы готовы пожертвовать, пока этот выбор ещё принадлежит нам. Если мы не найдём союзников, у нас не останется ни земель, ни предков, никого, кто бы мог их защитить. Мы можем отдать часть сейчас, чтобы сохранить всё остальное. Или мы можем потерять всё. Выбор за нами.

— Но что мы предложим остальным королевствам? — спросил Дормиэль. — Солардису остаётся лишь завидовать плодородным землям Вердиса, а Менталис никогда не интересовали чужие территории.

Амалия кивнула: она ждала этого вопроса и успела перебрать десятки ответов задолго до того, как вошла в зал, хотя ни один из них не делал предстоящий разговор проще.

— Мы не станем предлагать всем одно и то же, потому что каждое королевство должно получить именно то, в чём нуждается.

Коснувшись края карты, она провела пальцем к зелёным землям на западе.

— Вердис — королевство Жизни, богатое лесами, реками, плодородными долинами и целительными источниками, поэтому он ни в чём не нуждается, пока мир оставляет его в покое. Однако мира больше нет: война уже приблизилась к его границам, и никакой нейтралитет не спасёт Вердис, если Тьма одержит верх.

— Вердис веками избегал военных союзов, — заметил канцлер Аларик. — Его правители считают стены и целителей надёжнее солдат.

— Значит, пора напомнить им, что целители полезны лишь до тех пор, пока кто-то удерживает врага подальше от их дверей.

Передвигая золотую фигурку паладина к западной границе, Амалия постаралась не думать о том, сколько воинов уже не вернутся домой.

— Мы предложим им не земли и не золото, а безопасность: разместим гарнизоны в пограничных крепостях и отправим паладинов охранять перевалы. Если Вердис встанет на нашу сторону, ни одна вражеская армия не войдёт в его пределы, не встретившись прежде с клинками Солардиса.

Дормиэль нахмурился, в его голосе прозвучало недоверие:

— Ты обещаешь им наших воинов, хотя их и без того не хватает на восточном фронте.

— Я обещаю будущее, в котором им не придётся сражаться в одиночку, — ответила Амалия, выдержав его взгляд. — Вердис даст нам лекарей, припасы и магов Жизни, так что мы пожертвуем одним гарнизоном, но приобретём целое королевство.

Несколько мгновений Дормиэль молча смотрел на неё, после чего едва заметно кивнул — не соглашаясь, а лишь признавая, что в её расчёте была своя жестокая логика. Амалия перевела

руку к восточной части карты, где серебристой краской обозначили окутанные туманами земли Менталиса.

— Королевству Разума не нужны ни поля, ни солдаты, поскольку его крепости защищает не камень, а магия, однако знания были нужны ему всегда.

Рин подняла глаза, и её фиолетовые радужки сверкнули в свете камина.

— У мнемосийцев самые богатые архивы на континенте.

— Самые богатые среди тех, которые им удалось открыть, — возразила Амалия. — Многие хранилища до сих пор запечатаны, а часть рукописей написана на языках, которые они не способны расшифровать. Зато в архивах Академии и Аурелиона хранятся ключи к этим тайнам: древние словари, запретные трактаты и воспоминания первых магов Разума — всё, что Солардис веками прятал от чужих глаз.

По лицу канцлера скользнула тень, а пальцы крепче сжали край стола.

— Ты предлагаешь открыть для них закрытые архивы Света?

У Амалии неприятно стянуло живот. Вот теперь прозвучала та часть плана, за которую её вполне могли обвинить в предательстве, и, чёрт возьми, Аларик даже не был бы совсем неправ.

— Да.

— Некоторые знания были запечатаны не без причины, — произнесла леди Ирена.

— Как и некоторые двери, — ответила Амалия. — Но, если за нами гонится чудовище, даже запретную дверь приходится открыть.

Ирена поджала губы, однако спорить не стала.

— Менталис получит доступ к архивам, — продолжила Амалия. — Не ко всем и не навсегда. Мы установим границы, назначим хранителей, потребуем клятвы молчания. Но дадим им достаточно, чтобы они поняли: ни одно другое королевство не предложит им подобного.

— Ты и вправду веришь, что они согласятся?

— Я верю, что мы обязаны хотя бы попытаться. В одиночку нам не победить: мы не можем удерживать все рубежи, бесконечно бросая людей в бреши, словно их жизни ничего не стоят. Нам нужны настоящие союзники, а не те, кто присылает несколько повозок с припасами, после чего гордо называет это помощью. Однако никто не станет рисковать ради чужой короны, поэтому мы предложим им то, ради чего они захотят рискнуть.

Она снова посмотрела на карту, где вокруг Солардиса лежали три королевства, разделённые границами, старыми обидами и веками взаимного недоверия.

— Лапидия получит землю, Вердис — защиту, а Менталис — знания, и, если каждое королевство обретёт то, чего ему недостаёт, возможно, они наконец выступят вместе с нами.

Дормиэль молчал, не отрывая взгляда от карты — от крепостей, городов и земель, которые поклялся защищать, — а его пальцы, лежавшие на столешнице, заметно напряглись. Для Амалии границы превратились в линии, которыми приходилось жертвовать ради спасения целого, тогда как для него за каждой из них стояли люди, доверившие ему свои жизни. И всё же возражать он не стал.

— Если мы отправимся в разные королевства, то успеем охватить больше земель, — нарушила тишину Рин, склонившись над картой. — Амалия поедет в Лапидию, где её знают и где только она сможет говорить с Кругом Мастеров на равных, я отправлюсь в Менталис, а Мила — в Вердис.

— Я поеду с Милой, — неожиданно сказала Эльза.

Мила нахмурилась, бросив на неё быстрый взгляд, но та сидела неподвижно, сложив руки на коленях, а её незрячие глаза были обращены к огню, словно она всё ещё могла различить его золотые отблески.

— Зачем?

— В Вердисе есть целители, и, возможно, кто-нибудь из них сумеет вернуть мне зрение.

— Эльза, лучшие целители уже работали с тобой, — осторожно начала Мила. — Они испробовали всё, что знали, и…

— Я знаю, — резче, чем хотела, перебила Эльза; на мгновение её лицо исказилось, однако она почти сразу взяла себя в руки. — Я помню каждое их слово и каждую паузу перед тем, как они сообщали, что очередное лечение не помогло. Но Вердис — родина магии Жизни, где сохранились древние источники и старые мастера, никогда не покидавшие своих святилищ, поэтому я должна попробовать ещё раз. Даже если это глупо, даже если потом снова будет чертовски больно — я всё равно должна.

Мила долго смотрела на неё, а затем, словно приняв непростое решение, накрыла её руку своей.

— Хорошо, мы поедем вместе.

— Тогда и я отправляюсь в Вердис, — тут же заявил Дэррил.

Дормиэль даже не повернул головы.

— Нет, ты останешься здесь.

— Это ещё почему? Я не припомню, чтобы позволял тебе решать за меня.

— А я не припомню, чтобы спрашивал твоего согласия, — отрезал Дормиэль и, выпрямившись, заговорил с холодной властностью главнокомандующего. — Ты и твой отряд будете защищать Академию, потому что после нашего отъезда она станет уязвима, а мне нужен человек, который знает все её переходы, укрепления и слабые места.

— Для этого есть стража.

— Стража подчинится приказу, тогда как ты сумеешь действовать даже в тот момент, когда приказы перестанут иметь смысл.

Дэррил уже открыл рот, собираясь возразить, но всё же промолчал, лишь до боли стиснув подлокотники.

— Я отправлюсь в Глипторию вместе с тобой, — произнёс Дормиэль, переводя взгляд на Амалию.

Лапидия оставалась родиной Амалии, однако вернуться туда предстояло не блудной дочерью, а посланницей, которая потребует у собственного народа солдат, предложив взамен часть чужого королевства. Возможно, Дормиэль собирался следить за переговорами, а возможно, просто не хотел отпускать её одну, и, Амалия не знала, какая из этих мыслей тревожила сильнее.

— Значит, решено, — подвела итог леди Ирена, передвигая три золотые фигурки: одну — к каменистым землям Лапидии, вторую — к лесам Вердиса, а третью — к серебряным башням Менталиса.

Три посольства, три сделки и три дороги, каждая из которых могла привести их либо к спасению, либо прямиком к гибели.

***

Ночь всё ещё цеплялась за башни Академии, не желая уступать рассвету, однако небо уже наливалось тусклой серостью, обещая скорое утро. Выпавший за ночь снег скрыл следы копыт и сапог, укрыв двор ровным, почти нетронутым покрывалом. Конюшни располагались в юго-восточной части двора — массивное каменное здание с высокой крышей и широкими распахнутыми воротами, из которых доносились фырканье лошадей, звон сбруи и приглушённые голоса конюхов. Тёплый воздух, пропитанный запахами сена и лошадиного пота, вырывался наружу и растворялся в морозной дымке. Амалия стояла у входа, кутаясь в тёмную стёганую куртку с меховым воротником, из-под которой виднелся серый вязаный свитер. Шерстяные штаны и подбитые мехом сапоги до колен спасали от холода, а кожаные перчатки, которые она

с трудом натянула на озябшие пальцы, казались ужасно неудобными. Волосы она туго заплела в косу, чтобы они не лезли в лицо и не раздражали всю дорогу.

Из Белхейвена ещё месяц назад привезли четверых отборных коней. Эти лошади славились на всех нейтральных землях выносливостью и спокойным нравом, но при необходимости развивали такую скорость, что мало кто мог с ними сравниться; они не боялись магии, не шарахались от вспышек света и сохраняли самообладание даже в бою. Поговаривали, будто их порода появилась ещё во времена первых магов, когда местных кобыл начали скрещивать с дикими горными жеребцами.

Амалия рассеянно следила за тем, как конюхи выводят лошадей, пока сердце вдруг не дрогнуло от узнавания. Перед ней стояла золотисто-рыжая кобыла с белой звездой на лбу и тёмными, поразительно умными глазами — Лу́на, та самая, на которой она ездила в Белхейвене много месяцев назад. Кобыла терпеливо ждала, лишь изредка переступая с ноги на ногу. Едва Амалия приблизилась, Лу́на повернула голову и ткнулась бархатным носом в её плечо — совсем как тогда, при их первой встрече.

— Здравствуй, красавица, — прошептала Амалия, проводя ладонью по тёплой гладкой шее.

Лу́на мягко фыркнула и прижалась к ней, будто действительно помнила, отчего в груди Амалии разлилось щемящее тепло. Первая прогулка верхом, неловкие разговоры, редкие улыбки Дормиэля — тогда она ещё не знала, что всё это станет началом их дружбы и общего пути, который заведёт их чёрт знает куда.

Рядом стоял Ветерок — вороной жеребец, которого Дормиэль выбрал в конюшнях Белхейвена. Он был крупнее Лу́ны, а длинная грива стекала по мощной шее чёрным водопадом; не желая больше ждать, конь бил копытом по мёрзлой земле и нетерпеливо косился на ворота.

— Ты ведь помнишь меня? — спросила Амалия, поглаживая Луну между ушами. Та ответила тихим фырканьем, снова уткнувшись ей в плечо.

К конюшням подошёл Дормиэль. Тёмно-синий дорожный плащ с меховой подкладкой скрывал кожаный доспех, усиленный металлическими пластинами на груди и плечах, а на поясе висел меч; собранный и привычно спокойный, он выглядел так, словно давно был готов к дороге, в отличие от Амалии, у которой внутри всё ещё творился полный бардак.

— Ветерок, — произнёс он, приближаясь к жеребцу. — А ты совсем не изменился.

Конь фыркнул и потянулся к нему, признав хозяина, а Дормиэль бережно провёл ладонью по его шее и перебрал пальцами густую гриву.

— Я не знал, что их привезут, — признался он, оборачиваясь к Амалии.

— Я тоже, — ответила она, невольно улыбнувшись.

Из конюшни показались остальные. Рин уже сидела в седле, а позади неё ровным строем замер небольшой отряд, готовый выступить по первому знаку. На Рин была тёплая меховая куртка, поверх которой она набросила короткую пурпурную накидку из плотной ткани, не пропускавшей ветер, а её вороная кобыла по кличке Ночь стояла неподвижно, будто высеченная из чёрного камня, — такая же невозмутимая и собранная, как её хозяйка. Следом вышла Мила, закутанная почти до пят в грубый зелёный плащ; непокорные кудри выбивались из-под капюшона и трепетали на ветру, то и дело хлеща её по раскрасневшимся щекам. За ней появился Тео, одетый, как всегда, в кожано-меховой жилет, с перехваченным знакомой повязкой лбом. На первый взгляд могло показаться, будто предстоящая дорога тревожила его меньше остальных, однако слишком сосредоточенный взгляд выдавал напряжение, которое он старательно скрывал. Последней, опираясь на плечо Дэррила, медленно шла Эльза. На ней был простой дорожный костюм — тёплый, удобный и лишённый ненужных украшений, способных только мешать в пути, а глаза закрывала шёлковая повязка, с которой она теперь почти не расставалась.

Остановившись возле лошадей, Тео подал Миле руку и помог ей подняться в седло, после чего Дэррил осторожно усадил Эльзу позади неё. Нащупав талию подруги, Эльза обняла её обеими руками и придвинулась ближе.

— Держись крепче, — предупредила Мила, накрывая её ладони своей.

— Я постараюсь, — отозвалась Эльза с лёгкой улыбкой.

Тео одним плавным движением вскочил в седло. Его конь тут же переступил с ноги на ногу, взметнув копытом рыхлый снег. Успокоив животное привычным прикосновением, Тео посмотрел на Милу. В его взгляде было столько нескрываемого тепла, что Амалия невольно ощутила короткий, неприятный укол зависти и тут же рассердилась на себя.

У ворот уже собирались люди Дэррила, готовые вернуться к своим обязанностям, однако он не спешил к ним присоединяться и продолжал смотреть на Эльзу — на её тонкие пальцы, сжимавшие плащ Милы, на русые волосы, которые ветер упрямо выбивал из-под капюшона. Она не могла видеть его, но каким-то необъяснимым образом почувствовала этот взгляд и повернула голову точно в его сторону. Дэррил подошёл к лошади и взял Эльзу за руку, крепко сомкнув пальцы вокруг её ладони, словно пытался запомнить её тепло и сохранить его до самого возвращения.

— До встречи, —произнёс он и, поднеся её руку к губам, поцеловал холодные пальцы.

— Я вернусь, — пообещала она. — Я верну себе зрение и увижу тебя, Дэррил.

Дэррил замер, всё ещё не отпуская её руки. Амалия вдруг подумала, что сейчас лучше бы отвернуться, потому что этот миг принадлежал только им двоим. Но взгляд отвести не получилось — чёртова сентиментальность, которая в последнее время появлялась совершенно некстати, уже подступала к горлу тугим комом.

— Я буду ждать.

Дэррил отступил лишь тогда, когда лошадь под Милой беспокойно переступила с ноги на ногу. Его ладонь медленно выскользнула из пальцев Эльзы. Амалия улыбнулась им, затем коснулась ногой стремени и легко поднялась в седло. Луна мягко качнулась под ней, удобнее распределяя вес всадницы, после чего вновь замерла. Сквозь плотную ткань одежды Амалия чувствовала живое тепло кобылы и слышала её ровное дыхание; спокойствие Луны словно перетекало к ней, понемногу унимая тревогу, не оставлявшую Амалию с самого пробуждения. На краткий, почти обманчивый миг ей показалось, что всё непременно будет хорошо, хотя где-то на задворках сознания тут же раздался ехидный голос: конечно, всё будет прекрасно — впереди всего лишь чужие земли, сложные переговоры и куча возможностей всё испортить.

Проведя ладонью по тёплой шее кобылы, Амалия посмотрела на Дормиэля, а затем перевела взгляд на Академию и друзей, собравшихся перед воротами. Ей хотелось сказать им что-нибудь важное, правильное и такое, что они обязательно запомнят, но в голове, как назло, не находилось ни одной подходящей фразы. Все слова казались либо глупыми, либо слишком торжественными, будто они прощались навсегда, а думать об этом Амалия не хотела.

Рин молча кивнула на прощание и тронула поводья, после чего Ночь послушно двинулась вперёд, а следом за ней выступил отряд. Вскоре всадники скрылись между деревьями на восточной дороге, ведущей в Менталис, и только редкий хруст снега ещё некоторое время доносился из-за покрытых инеем ветвей. Мила направила лошадь на запад. Эльза крепче обняла её за талию, а Тео поехал рядом, не отдаляясь ни на шаг. Дэррил провожал их взглядом до тех пор, пока зелёный плащ Милы не растаял в серой зимней дымке.

Амалия глубоко вдохнула и мягко коснулась пятками боков Луны. Кобыла нехотя сдвинулась с места, словно и сама не желала покидать безопасные стены Академии, где всё было знакомо и понятно, а Дормиэль направил Ветерка следом. Уже через несколько шагов жеребец поравнялся с Луной и теперь держался так близко, что бока лошадей почти соприкасались. Это молчаливое присутствие почему-то успокаивало Амалию не хуже ровного дыхания кобылы.

Когда они миновали ворота, башни Академии начали медленно отступать. Амалия всё-таки оглянулась, хотя заранее знала, что от этого станет только тяжелее, и попыталась запомнить каждую деталь: заснеженные стены, тёмные проёмы окон, знакомые силуэты возле ворот и развевающиеся на ветру плащи. На миг ей отчаянно захотелось развернуть Луну, вернуться под защиту этих стен и предоставить кому-нибудь другому разбираться со всем тем кошмаром, который ожидал их впереди. Вот только возвращаться было нельзя, и Амалия это прекрасно понимала. Она заставила себя отвернуться от Академии, крепче сжала поводья и устремила взгляд туда, где дорога исчезала среди заснеженных деревьев.

На белом снегу позади них остались лишь цепочки следов, расходившиеся в три стороны.

***

Карта, полученная от Ищеек, успела покрыться мелкими пятнами влаги, из-за которых чернила расплылись, превратив часть линий и пометок в невнятные тени. Амалия щурилась, пытаясь понять, где заканчивалась безопасная зона и начиналась вражеская территория.

— Восточные холмы, — произнёс Дормиэль, заглядывая ей через плечо, пока его дыхание белым паром растворялось в морозном воздухе. — Путь станет длиннее, зато только так мы обойдём врага.

— Я помню эту тропу: она уходит в горы, где ветер едва не сбивает с ног, но, если мы не хотим столкнуться с армией Тьмы, выбирать особо не приходится.

Дормиэль спрятал карту в седельную сумку и туго затянул ремешок, чтобы порывом ветра её не унесло, после чего повернулся к Амалии. За последние дни его лицо стало ещё бледнее, а вокруг стиснутых губ проступили белёсые следы мороза.

— Тогда выдвигаемся, пока не превратились в пару героических сосулек.

Взбитый копытами снег оседал на плащах и ресницах, лошади медленно прокладывали дорогу сквозь сугробы, а покрытые инеем ветви цеплялись за одежду и скрипели, словно тоже были в бешенстве от этого проклятого холода.

Тропу они потеряли дважды: сначала снег полностью скрыл старую каменистую дорогу, и спешившийся Дормиэль по колено провалился в сугроб, а затем ветер усилился настолько, что снежная пелена заволокла горизонт, смешав скалы с небом.

Первый час Амалия держалась молодцом. Она сидела в седле ровно, смотрела вперёд, стараясь не думать о том, как непривычно и неудобно сидеть на лошади после долгого перерыва. Ко второму часу она уже ненавидела Лу́ну, а к третьему — весь мир, зиму и человека, придумавшего верховую езду. Каждый шаг кобылы отзывался болью в бёдрах, затёкшая спина горела от напряжения, а седло натирало в самых неподходящих местах. Амалия стиснула зубы и упрямо направила Луну дальше, но вскоре снова не выдержала и осторожно переменила позу.

— Всё в порядке?

— Просто прекрасно, лучше и быть не может, — процедила Амалия.

Она ещё раз поёрзала в седле, пытаясь устроиться удобнее. Безуспешно. Боль уже не отпускала: ныла в мышцах, жгла внутреннюю сторону бёдер и с каждым пройденным шагом становилась всё назойливее.

Гордость всё-таки уступила здравому смыслу.

— Мы можем сделать привал? — спросила Амалия с таким безразличием, будто задала вопрос исключительно ради лошадей.

Если Дормиэль и расслышал в её голосе страдание, то тактично притворился, что ничего не заметил.

— Впереди есть небольшая ложбина между скалами.

— Великолепно, потому что, если я не слезу с этой проклятой лошади в ближайшие десять минут, меня придётся хоронить прямо у дороги. — Амалия похлопала кобылу по шее. — Прости, Лу́на, ничего личного, так что постарайся не обижаться.

Кобыла повела ухом, будто всё прекрасно поняла, однако сочувствовать явно не собиралась, а Дормиэль промолчал, хотя уголок его губ дрогнул, прежде чем он направил Ветерка вперёд.

Ложбина оказалась неглубокой, но каменные выступы надёжно укрывали её от ветра, поэтому воздух здесь казался почти неподвижным, а снег лежал ровным полотном, не взметаясь в лицо колючей пылью. Едва они остановились, Амалия высвободила ноги из стремян и сползла с седла — именно сползла, потому что назвать это достойным спешиванием не решилась бы даже самая снисходительная летопись. Как только сапоги коснулись земли, колени предательски подогнулись, и Амалия едва не рухнула в снег, в последний момент ухватившись за край седла. Дормиэль оказался рядом прежде, чем она успела хотя бы мысленно выругаться, и крепко, но бережно обхватил её за талию, принимая на себя почти весь вес.

— Медленнее, — произнёс он у самого её виска, и его тёплое дыхание коснулось озябшей кожи. — Не торопись.

— Я в порядке, — выдавила Амалия.

— Разумеется, — невозмутимо согласился Дормиэль.

Амалия слишком вымоталась, чтобы спорить, поэтому, опираясь на Дормиэля, доковыляла до плоского камня и осторожно опустилась на край. Холод сразу пробрался сквозь ткань дорожного костюма, однако после мучительных часов в седле даже он показался почти блаженством.

— Ты устала, и это нормально, — сказал Дормиэль, устраиваясь рядом. — В детстве отец заставил меня за две недели объехать все владения Ардженто, после чего я три дня не мог сидеть и ходил так, словно меня наспех вырезали из дерева, забыв приделать суставы.

Амалия фыркнула, представив юного Дормиэля, ковыляющего по двору с величием смертельно оскорблённого павлина.

— Врёшь.

— Клянусь Светом, — он приложил ладонь к груди, приняв такой торжественный вид, будто приносил присягу перед короной. — На третьи сутки я заявил отцу, что лучше пешком обойду весь Солардис, чем снова сяду на лошадь, а он лишь посмотрел на меня и сказал: «Тогда иди».

— И ты, конечно же, пошёл?

— Разумеется, ведь мне было пятнадцать. Я свято верил, что упрямство вполне способно заменить здравый смысл.

Амалия не сдержала улыбки, уже догадываясь, чем закончился этот подвиг.

— И далеко ты ушёл?

— Бродил почти до вечера, пока не выяснилось, что пешком ещё хуже, поэтому пришлось возвращаться в седло.

— И ты всё-таки выжил? — спросила Амалия, продолжая улыбаться.

— Как видишь, а значит, выживешь и ты.

— Сомневаюсь, — простонала она, приваливаясь к холодному камню. — Бёдра горят, поясницу будто залили свинцом, а ноги мне больше не принадлежат, так что ещё немного — и я превращусь в столетнюю развалину.

Дормиэль окинул её внимательным взглядом, от которого Амалии почему-то сразу стало не по себе.

— Если хочешь, я могу растереть тебе ноги, это действительно помогает.

— Ты не посмеешь.

— Я главнокомандующий Света и смею всё, что сочту необходимым ради спасения Хранительницы.

— Тогда Хранительница умрёт от стыда, причём исключительно по твоей вине.

Дормиэль рассмеялся, и Амалия невольно залюбовалась им. В последние дни она слишком редко слышала этот тёплый, непривычно беззаботный смех.

— Не стану рисковать, иначе Академия мне этого не простит.

— Академия возведёт тебе памятник.

— С крайне двусмысленной надписью?

— А как же иначе.

Они сидели у скалы, пока Луна и Ветерок щипали редкую сухую траву, пробивавшуюся из-под снега. Боль понемногу отпускала. Напряжённые мышцы расслаблялись. Амалия наконец смогла вытянуть ноги, не морщась при каждом движении. Дормиэль не торопил её. Не напоминал о дороге и не подсчитывал потерянное время. Он просто сидел рядом, согревая ладони дыханием, и ждал, пока она придёт в себя.

Стемнело почти мгновенно, а ветер, усилившись, погнал по ущелью колючую снежную пыль. Дормиэль долго всматривался в дорогу, исчезавшую под свежим снегом, прежде чем покачать головой.

— Сегодня дальше не поедем.

Не спрашивая мнения Амалии, он принялся обустраивать стоянку в углублении среди скал, которое оказалось просторнее, чем выглядело с дороги: каменный выступ защищал от ветра, а под тонким слоем снега обнаружилась сухая земля. Дормиэль расседлал лошадей, закрепил попоны и натянул между камнями дорожный полог, после чего развёл небольшой огонь и подвесил над ним котелок, от которого вскоре потянулся пахнущий травами пар. На землю он бросил два плотных одеяла, накрыв их меховой накидкой.

Когда Амалия попыталась подняться, боль тут же вцепилась в измученные мышцы, заставив её замереть со стиснутыми зубами. Дормиэль оказался рядом прежде, чем она сделала второй шаг, молча усадил её ближе к огню и укутал ноги меховой накидкой. Сам устроился рядом, прислонившись спиной к скале. Амалия расправила накидку поверх их колен, старательно не замечая, насколько теплее стало рядом с ним. Некоторое время они молча смотрели на огонь, слушая приглушённое завывание ветра за скалами.

В конце концов Амалия осторожно придвинулась и положила голову ему на плечо, отчего Дормиэль на мгновение перестал дышать. Его рука медленно легла поверх одеяла ей на талию, чуть крепче притягивая к себе. Амалия сонно улыбнулась, даже не подумав отстраниться. Через несколько минут её дыхание выровнялось, а Дормиэль ещё долго смотрел на огонь, чувствуя у плеча тепло её щеки. Когда Амалия во сне придвинулась ближе и сжала пальцами край его одежды, он окончательно понял, что этой ночью уже никуда от неё не уйдёт.

Утром Амалия проснулась с ощущением, будто её переехала телега, а потом вернулась и переехала ещё раз — для надёжности. Бёдра горели, спина затекла, а каждая мышца возмущённо протестовала против самой идеи движения.

— Доброе утро, — сказал Дормиэль, сидевший у костра и помешивавший что-то в котелке.

— Если я сейчас попробую встать, ноги отвалятся, и тебе придётся объяснять всем, почему Хранительница вернулась в Солардис не целиком.

— Могу завязать тебя узлом и понести, — с самым серьёзным видом предложил он.

— Тогда лучше оставь меня умирать здесь.

— Не оставлю.

Дормиэль подошёл и протянул ей кружку с горячим травяным настоем, уверив, что тот поможет. После первого глотка по телу разлилось приятное тепло, немного приглушившее боль, хотя рассчитывать на чудо, конечно, не стоило.

— Тебе наверняка будет приятно узнать, что до Глиптории осталось всего шесть часов пути, — сообщил Дормиэль с улыбкой. — А потом мы сможем отдохнуть.

— Шесть часов? Просто супер, я как раз мечтала провести их на лошади.

Дормиэль помог Амалии забраться в седло, тактично не заметив ни мучительной гримасы, ни тихого ругательства, сорвавшегося с её губ, хотя дрогнувший уголок его рта ясно говорил, что услышал он всё.

К шестому часу пути тело Амалии превратилось в один сплошной источник боли, и даже малейшее движение в седле отзывалось мучительной ломотой.

Хватит ныть. Ты Хранительница и могущественный Сосуд, а не беспомощный маг, которого победило обычное седло.

Гордость помогала немногим лучше лекарств, зато хотя бы не позволяла унизиться до просьбы об очередной остановке.

Когда Луна внезапно остановилась, Амалия едва удержалась в седле. Кобыла вскинула голову, напряглась всем телом и, прижав уши, шумно втянула воздух раздувшимися ноздрями, после чего тревожно заржала; Ветерок тут же отступил на шаг.

— Что с ней? — спросила Амалия, крепче перехватывая поводья.

— Она что-то почувствовала.

Тишина стала почти осязаемой. Хотя Амалия не видела в полумраке ничего, кроме снега и чёрных выступов камня, по её спине всё равно пополз холод, не имевший никакого отношения к морозу. Снег впереди едва заметно дрогнул, словно под ним метнулся зверёк, но уже в следующий миг белая поверхность вздыбилась серебристым вихрем, выпуская тонкие сияющие нити, которые сплелись и начали принимать человеческие очертания. Перед путниками возникла высокая, неестественно тонкая женщина, будто сотканная из лунного света, льда и позёмки. Длинные волосы струились вокруг её плеч, словно вода под прозрачной коркой льда, а вместо лица мерцал гладкий овал, повёрнутый к ним.

Луна испуганно попятилась. Амалия даже сквозь плащ ощутила исходящий от существа холод, который проникал под кожу, сковывал пальцы и замедлял сердцебиение.

— Не двигайся, — прошептал Дормиэль, обнажая меч и не сводя глаз с призрачной фигуры. — Это ловушка — ледяная дева, которая питается магией живых.

Существо склонило голову, словно прислушиваясь к его голосу, а затем подняло руки. Воздух рассёк резкий свист вырвавшихся из тонких пальцев ледяных копий. Дормиэль вскинул свободную ладонь, создавая перед ними золотой щит, о который первое копьё разбилось с оглушительным треском и осыпало снег острыми осколками. Следом ударили ещё два, и по сияющей поверхности тотчас расползлись тонкие трещины. Амалия, решив не дожидаться, пока защита окончательно развалится к чёртовой матери, бросила поводья и подняла руки. Свет мгновенно откликнулся на её зов, горячей волной прокатился по венам, собрался в ладонях и обрушился на ледяную деву ослепительным потоком, озарив ущелье так, словно среди ночи внезапно взошло солнце. Существо издало протяжное шипение и отшатнулось; его силуэт задрожал, рассыпаясь серебряными нитями, однако те почти сразу переплелись вновь. Свет не уничтожил деву — напротив, она распрямилась, становясь выше, плотнее и ярче.

— Амалия, прекрати! — резко приказал Дормиэль.

Оборвав заклинание, она уставилась на существо, которое теперь выглядело ещё опаснее, и с раздражением спросила:

— Почему эта дрянь не исчезла?

— Потому что Светом её не уничтожить. Она им питается.

Ледяная дева снова подняла руки, и теперь даже в её безликом облике угадывался ненасытный голод, от которого у Амалии всё неприятно сжалось внутри.

— Убить её может только настоящий огонь.

— Ты сейчас намекаешь, что самое время открыть в себе четвёртый Путь?

— Я верю в тебя, моя рунная леди, — отозвался Дормиэль, крепче сжимая меч. По золотому щиту перед ним уже расползались трещины. — Но боюсь, она не станет тебя ждать.

Щит раскололся. Золотой свет осыпался на снег гаснущими искрами, и ледяная дева ринулась вперёд. Её руки вытянулись, а длинные прозрачные пальцы заострились, превратившись в подобие кинжалов. Амалия замерла лишь на мгновение. Времени на сомнения не осталось. Не осталось его и на попытку пробудить силу, которую она ещё не умела ни призывать, ни удерживать. Поэтому Амалия сделала то, что умела лучше всего. Она соскользнула с седла, отступила на шаг и вскинула руки.

Серебристые нити, сорвавшиеся с пальцев Амалии, сплетались в воздухе, пока одна за другой вспыхивали руны, которые тело, вопреки здравому смыслу и усталости, помнило куда лучше разума. Нити сомкнулись перед ней в плотную мерцающую сеть. Когда ледяные пальцы девы ударили в неё с оглушительным треском, защитная вязь, хоть и дрогнула, выдержала натиск, рассыпав лёд тысячами сверкающих осколков, наполнивших ущелье призрачным хрустальным звоном. Амалия, мысленно приказав себе не тупить и не давать твари опомниться, резко развела руки, направляя серебряные путы вперёд. Нити по-хозяйски обвились вокруг тонких запястий, стянули плечи и оплели призрачное тело существа. Каждое движение Амалии рождало символ, а каждое хриплое слово, сорвавшееся с её губ, затягивало плетение всё туже. От безмолвного крика девы, забившейся в серебристой паутине, содрогнулся воздух. Когда существо совершило последний яростный рывок, руны окончательно сомкнулись, превращая паутину в прозрачный кокон, внутри которого металась пленённая фигура.

— Этого хватит на несколько часов. Потом она освободится, но к тому времени мы, надеюсь, будем уже очень далеко.

Дормиэль перевёл взгляд с заточённой девы на Амалию.

— Напомни мне никогда тебя не злить.

— Поздно, — парировала она, — ты уже приобрёл этот сомнительный, но бесценный опыт.

Глиптория показалась на горизонте, когда солнце уже клонилось к закату.

— Слава Рунам, мы почти на месте, — выдохнула Амалия, чувствуя, как всё тело буквально вопит о пощаде. — Потому что если я проведу в седле ещё один день, я, вероятно, стану первой Хранительницей, которая умерла от боли в заднице.

Дормиэль искренне рассмеялся, и этот тёплый звук, кажется, стал лучшим завершением их безумного дня.

Когда они въехали в Глипторию, Амалия не отрывала взгляда от заснеженной дороги, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая волна воспоминаний. Она узнавала эти места, но теперь они казались почти чужими, словно снег успел стереть не только знакомые тропы, но и всё хорошее, что было с ними связано.

— Я не приезжала сюда с тех пор, как они умерли, — тихо произнесла Амалия, вслушиваясь в мерный стук копыт. — Мне казалось, стоит увидеть город, наш дом или их могилы — и я просто рассыплюсь.

Дормиэль не перебивал и не пытался залатать её боль первой попавшейся утешительной фразой. Амалия вдруг поняла, что лишь перед ним позволяла себе быть настоящей — не Хранительницей, не воином и не девушкой, на плечах которой держались защитные печати Академии вместе с нелепым количеством чужих надежд, а просто собой: уставшей, напуганной и до жути злой на несправедливость мира. Перед Дормиэлем не приходилось прятать дрожь в пальцах или отворачиваться, когда глаза предательски наполнялись слезами, потому что на признание «мне тяжело» он не отвечал наставлениями и не требовал взять себя в руки, а просто оставался рядом.

— Когда-то я поклялась родителям отомстить за их смерть, но прошёл почти год, а я не приблизилась к правде ни на шаг. Лориан словно растворился, его не могут отыскать даже лучшие Ищейки. Орден тоже затих, и это пугает меня куда сильнее открытых нападений. Они наверняка придумывают новый способ меня убить. Мы до сих пор не нашли их убежище, хотя леди Ирена обещала, что до весны мы выйдем на след, но что я вижу? Академия каждый день сражается за право существовать, а нам не хватает людей, припасов, времени и порой даже сил, чтобы похоронить погибших до темноты. Никто не станет тратить последние ресурсы на поиски Ордена, пока идёт война.

— Когда Орден выползет из своих нор, клянусь светом Арджeнто, я буду рядом и не позволю им снова до тебя добраться, даже если ради этого придётся отдать жизнь. Однажды я уже тебя подвёл…

— Даже не смей, — оборвала его Амалия.

— Что?

— Говорить так, будто всё хорошее, что ты сделал, внезапно ничего не значит. Ты вытащил меня из Тьмы и до сих пор за это расплачиваешься, ведь твои магические каналы так и не восстановились, а Свет больше не подчиняется тебе в полную силу. Ты отдал часть себя, чтобы спасти меня.

Амалия опустила взгляд на его руки. Даже под перчатками она различала дрожь, которую он научился скрывать ото всех, кроме неё.

— Это был мой выбор.

Дормиэль остановил Ветерка, и Амалия, проехав ещё несколько шагов, тоже натянула поводья и обернулась.

— Я сделал бы это снова, не колеблясь, даже если бы заранее знал, что лишусь всей магии.

— Не говори так.

— Почему? Потому что ты не хочешь это слышать или потому, что боишься поверить? Ты стоишь того, Амалия, чтобы за тебя сражались. И стоишь любой цены.

— Даже жизни?

— Даже жизни.

В этих словах не было ничего от красивой клятвы, которую произносят ради восхищённых взглядов. Дормиэль говорил о собственной смерти с пугающим спокойствием человека, уже однажды сделавшего этот выбор. Амалия почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но не отвернулась. В эту секунду перед ней возник Кассиан. Она вспомнила, как он покидал Академию, направляясь к воротам ни разу не оглянувшись. Словно прекрасно понимал: стоит посмотреть назад — и сил уйти уже не хватит.

Два человека, два совершенно разных пути: один был светом — прямым, благородным и беспощадным прежде всего к себе, тогда как другой предпочитал держаться в тени, прикрывая боль насмешками, словно острым клинком. Оба были готовы отдать за неё всё, даже зная, что её сердце принадлежит другому. От этой мысли становилось не теплее, а только страшнее. Амалия не знала, что тяжелее: остаться без любви или получить её так много, не имея возможности ответить.

Она протянула руку и накрыла пальцы Дормиэля, лежавшие на поводьях.

— Не умирай за меня, пожалуйста.

— Тогда живи, и у меня будет меньше поводов совершать героические глупости.

— После смерти лорда Ардженто я ни разу не спросила, как *ты*. Ты постоянно переживаешь обо мне, носишься с моими чувствами, а я даже не задумалась, каково тебе. Как ты справляешься?

— Я не знаю. Мне казалось, что, когда это случится, я сумею принять его смерть и останусь сильным. Но, когда этот день настал, оказалось, что я совершенно не готов. — Дормиэль замолчал, будто прислушиваясь к эху собственных слов, а затем заговорил тише: — В нашем роду верили, что душа человека не исчезает бесследно, а остаётся в вещах, привычках и тех мелочах, которые мы перенимаем, сами того не замечая. Отец всегда застёгивал плащ на последнюю пуговицу, даже в безветрие, потому что считал порядок проявлением уважения к миру. Теперь я ловлю себя на том, что поступаю так же, и от этого становится одновременно теплее и больнее.

Он посмотрел вдаль, словно видел за скалами нечто недоступное её взгляду.

— Иногда мне кажется, что смерть — не стена, а порог, однако для паладинов рода Ардженто он всегда был не просто границей между мирами, а последним испытанием. Отец учил, что истинный паладин не прячет скорбь за стальным лицом, а несёт её, словно щит, — тяжёлый, порой невыносимый, но необходимый. Потому что именно боль напоминает нам, ради чего мы снова поднимаем меч.

Глава 5

Я люблю заплетать пару косичек в распущенные волосы, чтобы передние пряди не лезли в лицо. А вот косы особо не люблю, хотя это супер удобно. Наверное, это глупо. Всё время мне твердят: собери волосы, иначе в бою за них схватят,иначе они будут мешать, иначе... Но я не хочу. Мне нравится, когда они рассыпаны. Нравится чувствовать их на плечах. Мелочь, но она моя.

Из дневника Амалии Брандт

Берег, с которого открывался вид на архипелаг Менталиса, был пустынным и каменистым. Серые скалы обрывались в море, а туман клубился над водой, скрывая очертания островов, словно завеса, которую не мог разорвать даже самый сильный ветер.

Рин стояла на краю обрыва и смотрела туда, где земля исчезала за плотной стеной тумана, а белёсая мгла медленно клубилась над пропастью, словно дышала и терпеливо ждала, кто первым осмелится шагнуть в её холодную пасть. В нескольких шагах позади замерли четверо воинов, которых Дормиэль отправил сопровождать её, — бывшие студенты факультета Света, молодые, сильные, с ещё не угасшим огнём в глазах.

— Дальше пути нет, — произнёс высокий коротко остриженный воин по имени Эдвард, старший в отряде.

Не оборачиваясь, Рин наблюдала, как ветер перебирает пряди её волос, а сорвавшиеся из-под сапог камешки бесследно тонут в молочной бездне.

— Для вас.

— Мы не можем позволить тебе идти одной. Дормиэль приказал защищать тебя любой ценой.

Ну разумеется, приказал. Теперь приходится нянчиться с четырьмя светлыми героями.

Рин медленно повернулась к нему.

— Вам и не придётся меня отпускать, потому что вы пойдёте со мной.

Эдвард нахмурился, бросив на туман настороженный взгляд, словно надеялся, что тот внезапно передумает и любезно распахнёт перед ними дорогу.

— Но он нас не пропускает.

— Он не впускает чужаков лишь потому, что не узнаёт вас, однако я могу это исправить.

Приблизившись к воинам, Рин медленно скользнула холодным взглядом по их лицам, пытаясь понять, кто из них дрогнет первым, когда чужая магия полезет им в головы.

— Закройте глаза и, что бы вы ни почувствовали, не открывайте их, пока я не разрешу.

Воины переглянулись: один заметно напрягся, другой шумно выдохнул сквозь зубы, а третий и вовсе побледнел, будто уже представил, как Рин случайно выжигает ему половину воспоминаний. Эдвард смотрел на неё дольше остальных, но, поскольку успел увидеть её в бою и прекрасно знал, на что она способна, спорить всё же не стал.

— Вы слышали её, — приказал он товарищам. — Закрыть глаза.

Когда четверо подчинились, Рин подошла к Эдварду и приложила ладонь к его лбу; под её холодными пальцами дрогнула жилка на виске, однако сам он остался неподвижен.

— Не бойся. Я всего лишь покажу туману, кто ты, и вплету тебя в его память.

Закрыв глаза, Рин осторожно коснулась его сознания, и чужие воспоминания распахнулись перед ней одно за другим: маленькая деревня на границе Солардиса, залитая летним солнцем; первый день в Академии и мантия, нелепо болтавшаяся на худых плечах; первый бой, липкий, всепоглощающий страх и тот короткий миг, когда Эдвард всё-таки сумел шагнуть ему навстречу.

Неплохо, светлый мальчик. Значит, под красивой бронёй у тебя всё же есть что-то кроме приказов и героической чуши.

Рин бережно собрала эти образы, вытянула из них тонкую, почти невидимую нить и протянула её к мгле, которая тут же заколебалась, ощутив подношение. Туман принял нить и вплёл её в свою бесконечную память, благодаря чему теперь знал Эдварда так, словно тот всегда принадлежал этой земле. То же самое Рин проделала с остальными воинами, проводя каждого через его прошлое, отыскивая среди бесчисленных образов то, что делало человека собой, и отдавая эти воспоминания земле Мнемосии. С каждой новой нитью туман становился спокойнее, постепенно признавая чужаков и позволяя им стать частью места, которое прежде упорно их отвергало. Рин отняла ладонь от лба последнего воина, скрыла дрожащие пальцы в складках плаща и лишь после этого позволила себе выдохнуть.

— Можете открыть глаза.

Четверо настороженно огляделись. Туман всё ещё клубился впереди, но теперь расступался перед ними едва заметным проходом.

— Теперь вы можете пройти: туман узнал вас и больше не станет возвращать назад.

— Как ты это сделала?

— Я умею вплетать чужие воспоминания в ткань реальности.

Не дожидаясь новых вопросов, Рин шагнула в белую пелену.

— Идёмте, у нас мало времени.

Воины последовали за ней. Туман сомкнулся вокруг отряда, но теперь уже не отталкивал их к границе, а расступался, узнавая тех, чьи образы Рин вплела в его древнюю, изменчивую память.

В Мнемосии не было снегопадов, поскольку здесь властвовала другая зима — влажная, пронизывающая, не такая суровая, как в нейтральных землях. Однако её обманчивая мягкость оказалась ещё той дрянью. Холод просачивался сквозь одежду, лип к коже и медленно вытягивал тепло из измученных тел. Воины шли молча, всё тяжелее переставляя ноги, их дыхание становилось хриплым, а взгляды — пустыми. Рин ощущала их изнеможение почти физически, но всё равно не позволяла себе остановиться..

Когда они наконец добрались до дома Акияма, мать встретила их на энгаве — деревянной галерее, опоясывавшей дом с юга, — и с привычной, почти ритуальной заботой сразу проводила воинов в комнаты, где они могли сбросить дорожную тяжесть и отдохнуть.

Рин осталась снаружи, наблюдая, как над садом рассеивается туман, похожий на дым угасшего костра. Когда-то они с Макото тренировались здесь до рассвета, пока клинки со свистом рассекали воздух, а вытоптанная земля запоминала каждое движение; теперь же сад казался не просто тихим, а мёртвым, будто вместе с братом из него вырвали что-то живое.

Отец появился бесшумно, как всегда облачённый в тёмное кимоно с синей нитью на вороте, и остановился в нескольких шагах, молча разглядывая дочь. Рин почтительно поклонилась, не поднимая глаз. На разговор с отцом сил уже не оставалось — да и что она могла сказать? — после чего сослалась на усталость и скользнула в дом, словно надеялась укрыться в собственной тени. Она прошла мимо гостиной, где воздух всё ещё хранил отголоски прежних вечеров, мимо кухни, пропитанной запахами риса и рыбы, а затем мимо комнаты, где они когда-то собирались всей семьёй, пили чай и смеялись над какой-нибудь ерундой, которая теперь казалась до боли драгоценной.

Добравшись до комнаты Макото, Рин остановилась на пороге, хотя с его смерти ночевала только здесь, в его постели, потому что не могла уснуть ни в собственной комнате, ни в любом другом месте, где не осталось следов брата. Здесь же его присутствие всё ещё ощущалось почти физически — в едва уловимом запахе, в смятой подушке и даже в тишине, которая словно помнила его голос.

Не раздеваясь, Рин легла на кровать и закрыла глаза, уткнувшись лицом в одеяло, которое всё ещё пахло Макото — пряностями, железом и ветром, неизменно цеплявшимся за его одежду после тренировок. Этот запах удерживал её на краю ночи и не позволял окончательно провалиться в пустоту, хотя она прекрасно понимала, насколько жалкой выглядела со стороны.

***

Чем ближе путники подъезжали к королевству Жизни, тем теплее и влажнее должен был становиться воздух. Но вместо этого с каждым часом ветер становился всё более колючим, небо затягивалось свинцовыми тучами, а снег, сначала редкий и почти пушистый, превращался в настоящую метель.

«Странно, что дорогу Жизни полностью занесло снегом, — подумала Мила, щурясь от летящей в лицо ледяной крупы. — Здесь никогда не было таких ветров, ведь Вердис даже зимой оставался тёплым».

Теперь же ветер выл так яростно, что заглушал стук копыт, а холод заползал под одежду и медленно добирался до костей. Пальцы Эльзы уже окоченели, поэтому она едва держалась за Милу, и даже сквозь плотную ткань плаща чувствовалась её непрерывная дрожь. Плотнее запахнув плащ, Мила натянула капюшон так низко, что перед глазами осталась лишь узкая полоска дороги, однако это почти не помогло: ледяные крупинки всё равно находили малейшие щели между тканью и кожей, оставляя на щеках и лбу жгучие следы. Из-за густого снегопада мир сузился до нескольких метров бесконечно кружащейся белизны, и Мила с досадой вспомнила о шарфе, который не взяла с собой. Вот же идиотка — сейчас она без раздумий отдала бы половину припасов за клочок тёплой ткани, лишь бы укутать обветренное лицо.

Впереди, словно единственный маяк среди белой пустоты, ехал Тео, чей лёгкий кожаномеховой жилет, оставлявший руки и шею открытыми, выглядел откровенной насмешкой над зимой. Мила смотрела, как снег ложится на его обнажённые предплечья и тут же тает, не успевая задержаться на коже, и невольно завидовала магии огня, которая согревала его изнутри, пока она сама почти перестала чувствовать пальцы. В редкие мгновения, когда ветер ослабе-

вал, возле его рук проступала едва заметная рябь, словно воздух над костром, — невидимое пламя окружало Тео и не подпускало к нему холод.

Спрятав лицо за лошадиной гривой, Мила позволила себе просто следовать за ним, упрямо надеясь, что впереди найдётся хоть какое-нибудь укрытие. Казалось, они ехали уже целую вечность, а снегопад никогда не закончится и будет гнать их через белую пустыню, пока все не свалятся с лошадей и не превратятся в ледяные статуи. Отличный конец путешествия, ничего не скажешь. Тео, однако, продолжал вести их вперёд, не сгибаясь под порывами ветра и, судя по прямой спине, даже не дрожа, словно внутреннее пламя не только согревало его, но и не позволяло остановиться тогда, когда остальные уже держались в сёдлах на одном упрямстве.

Позади раздался тихий стон, и обнимавшие Милу руки дрогнули, начав медленно соскальзывать с её талии.

— Держись! — крикнула она, пытаясь перекрыть завывание ветра, а затем перехватила запястья Эльзы и прижала их к себе.

Промокшие перчатки задубели и больше не защищали от мороза, пальцы почти ничего не чувствовали, однако Мила сжимала руки подруги изо всех сил, боясь ослабить хватку хотя бы на мгновение. Когда лошадь оступилась в глубоком снегу, Эльза вздрогнула и окончательно обмякла, но Мила успела поймать её руки прежде, чем та начала заваливаться назад.

— Эльза, не смей меня отпускать! — выкрикнула она, с трудом удерживая подругу. — Мы почти добрались!

Она солгала. Мила понятия не имела, сколько им ещё ехать.

— Мила… — Голос Эльзы прозвучал хрипло и едва слышно. — Я больше не могу…

Её голова безвольно опустилась Миле на плечо.

— Тео! — закричала Мила, стараясь перекрыть вой ветра. — Остановись!

Маячивший впереди силуэт замер, а затем Тео натянул поводья и развернулся в седле. Ему хватило одного взгляда на девушек, чтобы понять: дело дрянь.

Спрыгнув с коня, он поспешил к ним, проваливаясь в рыхлый снег почти по колено.

— Она больше не держится, — выдохнула Мила. — И я совсем не чувствую её рук.

Не тратя времени на ответ, Тео осторожно разжал окоченевшие пальцы Эльзы, обхватил её за талию и снял с лошади, продолжая крепко удерживать, пока Мила соскальзывала из седла и подхватывала подругу с другой стороны. Колени Эльзы сразу подогнулись, и она повисла между ними, лишь по привычке пытаясь сохранить равновесие. Её веки то и дело смыкались, дыхание стало поверхностным и рваным, а лицо в тусклом свете метели казалось почти прозрачным.

— Простите, что задерживаю вас, — прошептала она, с трудом шевеля посиневшими губами. — Но у меня… совсем не осталось сил.

Эльза попыталась сделать шаг, однако ноги окончательно отказали, и, прежде чем Мила успела податься вперёд, Тео подхватил Эльзу на руки, крепко прижав её к груди. Вокруг них разлилось слабое золотистое сияние. Живое тепло его магии проникло сквозь промёрзшую одежду Эльзы; девушка тихо выдохнула, не открывая глаз, и к её бескровным щекам понемногу вернулся едва заметный румянец.

— Я смогу её согреть, — произнёс Тео, повышая голос, чтобы ветер не разорвал слова. — Но надолго меня не хватит: два часа, может, немного больше.

Мила всмотрелась в его лицо, напряжённое и осунувшееся, с тёмными прядями, прилипшими ко лбу.

— У тебя хватит сил?

— Должно хватить.

Ну да, «должно». Прекрасный ответ, после которого сразу становилось спокойно. Мила слишком хорошо знала этот тон: Тео и сам понятия не имел, сколько ещё продержится, но признаваться в этом, разумеется, не собирался. Мила тоже едва стояла на ногах: колени мелко

дрожали, пальцы почти не слушались, а промокший плащ отяжелел и застыл, превратившись в мерзкий ледяной панцирь. Всё внутри требовало подойти ближе к Тео, хотя бы на минуту коснуться его тепла, но просить согреть ещё и её было нельзя, потому что сейчас каждая искра его силы требовалась Эльзе.

— Нужно ехать, — сказала Мила, заставляя себя говорить твёрдо. — Если останемся здесь, то замёрзнем все.

Тео коротко кивнул и, не выпуская Эльзу из рук, подошёл к коню, осторожно поднял её в седло, а затем вскочил следом и устроил перед собой. Девушка бессильно привалилась к его груди, пока он одной рукой удерживал её, а другую положил ей на живот, продолжая вливать в промёрзшее тело ровное, бережное тепло. Золотистое свечение поблекло, почти растворившись в снежной мгле, но всё же не погасло. Мила с трудом добралась до своей лошади и, вцепившись в седло, поставила ногу в стремя, однако замёрзший сапог соскользнул, и она едва не рухнула в снег. Только со второй попытки ей удалось подняться. Руки и ноги слушались так плохо, будто вообще принадлежали кому-то другому. Лошадь тревожно всхрапнула и переступила с ноги на ногу, а Мила прижалась лицом к её тёплой шее, судорожно сжимая поводья онемевшими пальцами.

Только бы не упасть. Только бы не отключиться посреди этой проклятой белой пустыни.

— Не останавливайся, — донёсся сквозь метель голос Тео. — Что бы ни случилось, продолжай ехать.

Спустя, казалось, целую вечность ветер начал стихать. Сначала Мила даже не поверила. Она так долго слышала лишь непрерывный вой метели, что наступившая тишина показалась ей новым обманом замёрзшего сознания. Но снежная пелена действительно редела, и впереди проступали тёмные очертания скал. Лошадь вынесла её на вершину пологого склона. Внизу лежала долина. Снег почти не касался её земли. Между покрытыми инеем камнями тянулись бесконечные поля белых лилий. Их тонкие стебли склонялись под тяжестью прозрачных капель, похожих на слёзы. Над цветами стлался серебристый туман, а где-то в глубине долины тихо звенела вода.

— Долина Плачущих Лилий, — выдохнула Мила.

Тео остановил коня рядом. Эльза всё ещё лежала у него на груди с закрытыми глазами, но при звуке голоса Милы едва заметно пошевелилась.

— Почему… плачущих? — поинтересовался Тео.

Мила направила лошадь вниз по склону и заговорила:

— Говорят, много веков назад здесь не росло ни единого цветка. В долине стоял только маленький дом, где жила девушка по имени Луара. Она умела слышать голос земли и знала, когда придут морозы, когда разольются реки и где следует искать целебные травы.

— И, конечно, она была красавицей, — слабо произнесла Эльза.

— Разумеется. Иначе старые легенды не работают.

Уголки губ Эльзы дрогнули.

— Однажды в долину пришёл юноша по имени Эран, который заблудился в горах и едва не погиб от холода. Луара нашла его у замёрзшего ручья, привела домой и выходила. Весной он собирался уйти, но задержался до лета, летом решил дождаться осени, а осенью признался, что больше никуда не хочет идти.

— Неплохо устроился, — пробормотал Тео.

— Не перебивай. Луара тоже полюбила его, и несколько лет они прожили здесь счастливо, дав друг другу обещание: если им когда-нибудь придётся расстаться, тот, кто останется, будет каждое утро ждать у ручья до восхода солнца. Однажды Эран отправился в горы за редким лекарством для Луары и пообещал вернуться через три дня, но миновала неделя, за ней месяц, наступила зима, а его всё не было.

— И она продолжала ждать, — тихо произнесла Эльза.

— Каждое утро Луара приходила к ручью и встречала там рассвет. Жители соседних селений убеждали её, что Эран погиб, но она отвечала: «Если его сердце ещё бьётся, оно приведёт его ко мне, а если нет — моё ожидание укажет ему путь даже из вечности».

— Он всё-таки вернулся? — спросил Тео.

— Лишь весной — израненный, истощённый и почти ослепший после снежной бури. Последние дни он шёл, ориентируясь только на голос Луары. На рассвете она звала его по имени, а ветер уносил её зов далеко в горы.

Впереди показались старые деревья и тёмная крыша небольшого дома — возможно, давно заброшенного, но всё же способного укрыть их от этого проклятого холода.

— Когда Эран спустился в долину, Луара выбежала ему навстречу, и у самого ручья они обнялись так крепко, что земля почувствовала их радость. Там, куда упали её слёзы, выросли белые лилии, которые тоже склонили головы и заплакали.

— Значит, они плачут от радости?

— Да, и с тех пор капли на их лепестках не высыхают даже в самые жаркие дни. Говорят, долина впускает лишь тех путников, которых где-то ждут, а тому, кто потерял дорогу, достаточно назвать имя человека, к которому он хочет вернуться, — тогда лилии укажут путь.

Несколько мгновений тишину нарушал лишь приглушённый хруст снега под копытами.

— Дэррил, — едва слышно выдохнула Эльза.

Мила обернулась и заметила, что глаза подруги по-прежнему закрыты, однако на её бледном лице появилась слабая, почти счастливая улыбка.

Среди плачущих белых цветов вилась узкая тропа, ведущая к дому, который вблизи оказался просторнее, чем выглядел издалека: низкий, сложенный из серого камня, с крышей, поросшей серебристым мхом. Ставни украшали резные переплетения стеблей, а над дверью темнел деревянный знак — раскрытая ладонь с семенем в центре.

Добравшись до двери, Мила навалилась на неё плечом, однако та не поддалась. Тогда Мила прижала ладонь к знаку.

— Мы пришли с миром и просим убежища во имя Жизни.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом семя в центре знака вспыхнуло зелёным. Внутри дома что-то щёлкнуло, и дверь медленно приоткрылась. Их встретили запахи сухих трав и старого дерева. В единственной комнате стояли две кровати, стол, глиняная печь и шкаф с банками. Под потолком висели связки шалфея, морозника и лунной мяты. Казалось, хозяева вышли несколько минут назад и скоро вернутся, хотя толстый слой пыли говорил об обратном.

Тео внёс Эльзу и уложил на ближайшую кровать.

— Она почти не дышит.

Мила сняла с подруги промёрзший плащ. Пальцы не слушались, застёжку пришлось срезать ножом. В банках нашлись высушенные листья солнечника, соль жизни и густая зелёная мазь без подписи. Мила растёрла травы, смешала их с водой и помогла Эльзе выпить зелье.

— Холодно…

— Я знаю. Потерпи.

Они провели в доме ещё несколько часов. Растопили печь, напоили лошадей и сами съели по куску зачерствевшего хлеба, найденного в дорожной сумке. Эльза пришла в себя, но была слишком слаба, чтобы ехать одна.

Тео снова посадил её перед собой.

— Если начнёшь засыпать, я запою, — предупредил Тео, стараясь говорить увереннее, чем чувствовал себя на самом деле.

Эльза с трудом приоткрыла глаза и едва заметно поморщилась.

— Тогда я… постараюсь не спать.

Лилии расступались перед копытами, роняя прозрачные капли, которые, коснувшись земли, обращались в крошечные зелёные искры. Мила ехала впереди, и с каждым шагом лошади горы отступали всё дальше, а воздух становился теплее. Вскоре снег исчез, на склонах показались тонкие берёзы с бело-зелёной листвой, а за ними поднялись могучие дубы, оплетённые цветущим плющом.

Лес вокруг внезапно ожил: из-под копыт брызнули светящиеся жуки, в кронах запели невидимые птицы, сплетая голоса в сложную мелодию, и даже измученные лошади подняли головы и пошли быстрее, словно сам воздух возвращал им силы. Мила наконец вдохнула полной грудью. После ледяных перевалов этот лес казался сном, слишком прекрасным, чтобы быть настоящим.

— Вердис, — прошептал Тео.

Из-за деревьев донёсся резкий свист, и стрела вонзилась в землю прямо перед лошадью Милы. Та испуганно шарахнулась, заставив девушку судорожно натянуть поводья, пока Тео свободной рукой потянулся к мечу.

— Не надо, — бросила Мила, хотя сердце уже колотилось где-то в горле. Только драки им сейчас не хватало, просто замечательно.

Между стволами возникли люди в зелёных плащах, двигавшиеся так бесшумно, что казались частью леса. Вперёд вышла коротко стриженная темноволосая женщина; лук по-прежнему оставался в её руках, хотя тетиву она уже отпустила.

— Назовите себя.

— Мила Зорич из Академии Шести Путей, со мной Тео и Эльза, которой срочно нужна помощь.

Женщина взглянула на Эльзу, обмякшую в руках Тео, и без лишних вопросов опустила лук.

— Следуйте за мной.

Она поднесла пальцы к губам и издала короткий птичий крик, на который почти сразу из леса выбежали два оленя с зелёными рунами на ветвистых рогах; за одним из них была закреплена лёгкая плетёная повозка, куда и переложили Эльзу.

— Застава близко, — пообещала женщина. — Если её сердце ещё держится, мастер Орен её не отдаст.

— Кому? — насторожился Тео.

Воительница посмотрела на него так, что Миле стало не по себе.

— Тому, кто уже протянул к ней руку.

Застава оказалась небольшим поселением, укрытым среди гигантских деревьев, причём дома не стояли между ними, а будто вырастали прямо из стволов: живые стены изгибались,

образуя комнаты, окна и переходы, по могучим ветвям тянулись мостики, а вместо фонарей над ними сияли огромные золотые цветы.

Эльзу быстро перенесли в дом целителя, и Мила уже шагнула следом, когда седой мужчина в зелёно-белой мантии преградил ей дорогу.

— Мне потребуется тишина.

— Я не стану мешать.

— Ты уже мешаешь.

— Я должна быть рядом с ней, — упрямо произнесла Мила, чувствуя, как страх наконец прорывается сквозь усталость. Она тащила Эльзу через проклятые горы, не чтобы теперь спокойно остаться за дверью и гадать, жива ли её подруга.

Целитель внимательно посмотрел на девушку, и суровое выражение его лица немного смягчилось.

— Тогда сядь за дверью и жди.

Дверь закрылась, и Мила, у которой больше не осталось сил держаться на ногах, опустилась прямо на пол. Тео сел рядом, прислонившись спиной к стене, но ни один из них не заговорил: время тянулось мучительно медленно, измеряясь лишь мерцанием цветов под потолком, и от этого ожидание казалось ещё невыносимее.

Когда к вечеру дверь наконец открылась, Орен сообщил, что состояние Эльзы удалось стабилизировать и уже к утру она будет полностью здорова. Мила облегчённо выдохнула, однако вопрос, мучивший её с самого начала пути, всё-таки сорвался с губ:

— Моя подруга слепа, и никто в Академии не смог ей помочь. Мастер, скажите… вы можете вернуть ей зрение?

— Для такого исцеления моей силы недостаточно, — признался Орен. — Когда доберётесь до Сильвариса, разыщите Храм Первого Древа, где служит архицелительница Селена. Если кто-то и сумеет вам помочь, то только она.

Мила кивнула, чувствуя, как внутри вспыхивает маленькая, хрупкая искра надежды, которую она тут же попыталась унять: радоваться было слишком рано, и если судьба снова решит над ними поиздеваться, второго такого удара она просто не выдержит.

Утром путники продолжили путь вдоль Ильвара, чьи прозрачные, отливающие зеленью воды текли через просторную долину, огибая холмы под вечнозелёными лесами. Вердис открывался перед ними постепенно: сначала среди деревьев появлялись деревни с круглыми домами, крышами из живых листьев и садами, цветущими наперекор зиме, а затем вдоль дороги раскинулись поля лекарственных трав, над которыми скользили деревянные платформы. Стоявшие на них садовники направляли облака туда, где пересохшая земля нуждалась в дожде.

Вдали возвышался Сильварис. Поначалу может показаться, что впереди стоит гора, но вскоре становится понятно, что это дерево — колоссальное и настолько древнее, что верхние ветви скрывались среди облаков, а вокруг могучего ствола, слившись с корой и корнями, раскинулся целый город. Белоснежные башни словно вырастали из древесины, между ними протянулись увитые цветами мосты, на широких ветвях располагались дворцы, сады и храмы, а в воздухе неспешно плыли лодки с парусами из прозрачных листьев.

У подножия Первого Древа серебрились озёра, питавшие столичные каналы, над гладью которых кружили стаи белых птиц. Даже издали ощущалась магия города, разлитая повсюду: она дышала вместе с землёй, поднималась по стволам, текла в воде и шелестела в листве.

Тео натянул поводья и, не отрывая взгляда от дерева, спросил:

— Это и есть Сильварис?

— Столица Вердиса и сердце Королевства Жизни, — ответила Мила, впервые за долгие дни позволив себе расслабиться и вдохнуть полной грудью.

Дорога спускалась к огромным воротам, образованным двумя переплетёнными корнями, перед которыми несли службу десятки стражников в зелёно-золотых доспехах. Увидев знак

Заставы, начальник караула пропустил путников без досмотра, однако стоило Миле упомянуть Академию Шести Путей, как выражение его лица мгновенно изменилось.

— Вас уже ждут.

— Кто? — насторожился Тео.

— Королева.

— Она знает, что мы прибыли?

— Первое Древо ещё вчера предсказало, что вы пересечёте южные сады, — объяснил начальник стражи. — Королева ждёт вас в Белом Саду, я должен проводить вас к ней.

Начальник стражи передал пост одному из подчинённых и жестом попросил путников следовать за ним.

Горожане расступались перед начальником стражи, приветствуя его лёгкими поклонами. На путников смотрели с любопытством, но без страха. Дети показывали пальцами на их дорожные плащи, покрытые горной пылью, а торговцы у прилавков ненадолго умолкали, провожая их взглядами.

Дорога вывела их на широкую площадь у подножия Первого Древа. В центре бил фонтан, похожий на распустившийся цветок. Вода поднималась из его сердцевины и медленно текла вверх, распадаясь на сияющие капли, которы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.